

ВОСПОМИНАНИЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРИЕВНЫ БЛУДОВОЙ.

(писалы вт 1867 году).

Берусь за перо, и останавливает меня сомнѣніе: стоить ли писать записки или воспоминанія, когда собственная личность не имѣеть никакого интереса для читателя, когда нѣтъ ничего занимательнаго въ собственной жизни?

Моя жизнь была самая счастливая, слѣдовательно, самая однобразная, безъ всякаго драматизма. Обстоятельства таѣтъ мнѣ благопріятствовали, что я не имѣла ни нужды, ни желанія, ни случая выходить изъ семейнаго круга обязанностей, а въ семействѣ все было тишина и гладь, да Божья благодать. Такъ живется хорошо, но разсказывать нечего. Я всю жизнь была только зрительницей, конечно, заглядывая иногда за кулисы, но не играя никакой роли на театрѣ общества или исторіи. Много, въ полвѣка, видѣла я и слышала, и одно развѣ можетъ быть занимательно къ моихъ запискахъ: это—*отголосокъ прошлаго*, хотя не далекаго времени, его воззрѣній, сужденій и чувствъ, которыя уже столько измѣнились или измѣняются, что, можетъ быть, стоить сохранить ихъ образъ, пока онъ не совсѣмъ забыть. Одно я знаю: любовь и уваженіе къ истинѣ такъ глубоко вкорениены были въ нашемъ семействѣ, что все, что отъ родителей я слышала, не подлежитъ сомнѣнію, и сама я неспособна (по крайней мѣрѣ сознательно) измѣнить ей. Не разъ въ жизни я тяжело поплатилась за истину: можетъ быть, она тѣмъ дороже и милѣе стала мнѣ. О многомъ нынче слышу легенды или исторические романы, можетъ быть, и не намѣренно сочиненные; а слово правды отъ современницы не пригодится ли будущему лѣтописцу? Итакъ, попытаюсь передать, что помню—про общее настроеніе и обычаи того времени, и что помню о личностяхъ, съ которыми родители и я сама имѣли сношенія.

Какъ жизнь народовъ, такъ и жизнь отдельнаго человѣка имѣеть свое до-историческое время неясныхъ воспоминаній самыхъ происшествій, но вѣрныхъ впечатлѣній о дѣйствіи ихъ на умы и на чувства того времени. Можно сказать: колоритъ сохраняется, хотя черты картины становятся мутны или даже искажаются неловкою, безъискусственною малярской этого усерднаго художника—воображенія, воображенія личнаго или воображенія народнаго.

Съ этой до-исторической эпохи дѣтства я и начну.

I.

Баснословные времена и золотой векъ дѣтства.

Самое отдаленное воспоминаніе моего дѣтства—болѣзнь, простирающаяся скрлатина, превратившаяся въ водянную. Помню нестерпимую боль, когда старались надѣть мнѣ на ноги (ноги четырехъ - лѣтняго ребенка) большіе чулки взрослой женщины, моей матери,—такая ужасная была опухоль... Помню тогда же смутное, какъ будто сквозь туманъ, явленіе блестящей золотомъ и каменными большою иконы и богатую ризу священника, сѣдые, длинные волосы его и, сквозь этотъ же туманъ или дымъ, два озабоченныхъ, грустныхъ лица—моего отца и матери. Этотъ туманъ и дымъ были ничто иное, какъ воспаленіе въ мозгу, приливъ воды къ головѣ ребенка въ эту же самую болѣзнь, когда врачи уже потеряли надежду; а икона — Божіей Матери, Всехъ Скорбящихъ Радости, которую подымали и принесли къ моей кроваткѣ, чтобы я приложилась къ ней.

Что прежде и послѣ происходило со мною, не помню; но сказываютъ, что я съ этого дня стала выздоравливать, и я помню уже только обыкновенную, ежедневную жизнь, или даже не жизнь, а обыкновенную обстановку ея. Видится мнѣ длинная зала, въ которой я играла и бѣгала, и статуя въ нишѣ на ея концѣ—что-то въ родѣ Весталки или Музы съ факеломъ въ рукѣ для лампы; наша дѣтская и большіе дѣдовскіе Англійскіе часы съ музыкой, подъ которую мы плясали и разыгрывали пантомимы, маленькие дѣтскіе стулья и маленький низкій диванчикъ, на который я часто сажала любимаго моего старика Гаврилу. Вижу его такъ живо предо мною и теперь! Высокаго, очень высокаго роста, худощавый, съ правильными чертами, коротко выстриженными сѣдыми волосами, съ задумчивымъ лицомъ, которое ожидалось невыразимо—доброю и веселою улыбкой, когда мы, дѣти, по своему угощали его. Его посѣщенія были изъ лучшихъ радостей моего дѣтства. Онъ былъ посланъ бабушкой въ прислугу (а по настоящему въ родѣ дядьки) къ батюшкѣ, когда она его отпустила на службу въ Петербургъ. Онъ вѣрно и любовно заботился о молодомъ баринѣ своемъ, и хотя состоялъ слугою, однако, былъ такъ уважаемъ имъ, что насъ, дѣтей, пріучили вставать передъ Гаврилой, когда онъ приходилъ къ намъ въ дѣтскую, а бабушка писала къ нему: «Гаврила Никитичъ», по имени и отчеству. И что за почтенный, добрый былъ онъ старикъ! Когда батюшка жилъ холостымъ въ Петербургѣ,

онъ получалъ очень скучное содержаніе (а натура его была Русская, тароватая), и въ два первыя мѣсяца у него выходила почти вся треть. Онъ берегъ ровно столько денегъ (по рублю на вечеръ), чтобы всякий день ходить въ театръ, который онъ страстно любилъ; вмѣсто же обѣда, завтрака и ужина, онъ съ своими любимыми друзьями, Жуковскимъ и А. И. Тургеневымъ, довольствовался мороженымъ съ бисквитами у кондитера Лареды, гдѣ у него былъ открытый кредитъ. (Эту кондитерскую я еще помню, въ концѣ Невскаго проспекта, гдѣ-то за Полицейскимъ мостомъ). Но 19-ти-лѣтній аппетитъ не могъ насытить — ся мороженымъ. «И частехонько бывало», рассказывалъ Гаврила, «они, мои голубчики, приходить домой, когда я варю себѣ обѣдъ; проходить мимо и говорятъ: Ахъ, Гаврило, какъ славно пахнетъ! Должно быть, хорошие щи. А я уже знаю; у меня и щей довольно, и приварокъ есть на всѣхъ; и они, бывало, такъ-то убираютъ! Видно, что голодные!»

Тутъ же, въ нашей дѣтской, подлѣ Гаврилы, рассказывающаго про Шугачевщину и всѣ ужасы того времени, видится мнѣ моя кормилица (а потомъ няня) Шведка, которая оставалась у насъ всю жизнь свою и умерла у насъ въ домѣ, не имѣя другаго имени и прозванія какъ только «Дада»: этимъ именемъ я называла ее въ дѣтствѣ *). Добрѣйшаго сердца, открытая ко всему и ко всѣмъ бѣднымъ и страждущимъ отъ старика нищаго или больнаго ребенка до голодной собаки, она была вспыльчива до нервныхъ приступовъ и суевѣрия до крайности. Помню,— и это второе сильное впечатлѣніе моего дѣтства, — помню, какъ однажды, уложивъ меня спать и задернувъ около кроватки занавѣсь, помолчавъ немного и думая, что я уснула, она стала тихо рассказывать одной изъ горничныхъ разныя приключенія съ чертями. Я слушала, притаивъ дыханіе и устроивъ въ занавѣскѣ маленьку щель, сквозь которую какъ теперь вижу Даду, какъ сидѣтъ она на маленькомъ стульчикѣ и съ глубокимъ убѣженіемъ разъясняетъ про дѣвушку, которая была гдѣ-то въ услугеніи, и къ ней сталъ приходить свататься молодой, красивый, съ виду добрый и зажиточный человѣкъ, о которомъ впрочемъ никто не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній. Однако она полюбила его и дала ему слово выйти за него замужъ. Не знаю, или я не поняла, почему свадьба была отложена; помню только, что у дѣвушки мало было свободнаго времени, и они видались лишь подъ вечеръ, по окончаніи работъ, на опушкѣ сосѣдней рощи. Не помню тоже, отъ чего въ ея мысли заронилось сомнѣніе о женихѣ; но она стала подмѣчать въ немъ странности; и вотъ однажды она видѣть, что у него износились сапоги, и—о ужасъ!—изъ сапога вмѣ-

*) Графиня А. Д. Блудова родилась въ Стокгольмѣ, гдѣ батюшка ея въ 1812—1814 годахъ служилъ совѣтникомъ посольства. П. Б.

сто ноги выглядываютъ копыто! У меня и теперь, какъ тогда, мурашки ходить по кожѣ, когда я вспоминаю страхъ, который одолѣлъ мною въ этомъ мѣстѣ разсказа, и какъ крѣпко я зажмурила глаза и закрыла лицо простыней, чтобы не видать даже Дады на ея низенькомъ стулѣ; но я все-таки слушала. Дада продолжала разсказать. Дѣвушка была умная, ничего не сказала, не показала и страха; сердце у нея крѣпко билось и замирало, но она не потеряла присутствія духа; она замѣтила, что женихъ потихоньку схватилъ рукой ея передникъ, и она, продолжая разговаривать, тихопѣко же развязала тесемку передника, и только-только что успѣла, какъ вдругъ женихъ со всего размаху полетѣлъ на воздухъ, унося съ собою вмѣсто невѣсты одинъ только передникъ ея, и она видѣла, какъ онъ, въ смущеніи и гнѣвѣ, вихремъ промчался на двухъ черныхъ крыльяхъ и съ длиннымъ хвостомъ. Такъ присутствіе духа спасло бѣдную красавицу отъ черта.

Много такихъ разсказовъ слышала я по вечерамъ, когда няня думала, что я заснула; но помню ясно и подробно только этотъ одинъ. Швеція, какъ Данія и Шотландія, полна легендами про чертей, про видѣнія и пророческіе миражи—въ туманахъ этихъ сѣверныхъ странъ, въ отчинѣ Фингаловъ и Гамлетовъ.

Есть, между прочимъ, въ Швеціи одинъ королевскій замокъ, Грипсгольмъ, извѣстный цѣлымъ рядомъ сверхъестественныхъ, или по крайней мѣрѣ, необъяснимыхъ видѣній. Батюшка еще зналъ въ Стокгольмѣ одного старого господина въ какомъ-то придворномъ чинѣ, который имѣлъ способность предвидѣнія приближающихся въ будущемъ происшествій, то, чтѣ Шотландцы называютъ *second sight, второе зрѣніе*. Я не помню имени этого человѣка, но о немъ рассказывали много странныхъ случаевъ, и батюшка часто говорилъ объ одномъ изъ нихъ, который я твердо помню. Нѣсколько лѣтъ передъ нашимъ пребываніемъ въ Швеціи, гостили у дочери своей, Шведской королевы, наследный принцъ Баденскій, послѣ своего пребыванія у другой дочери, императрицы Елизаветы Алексѣевны. Онъ уже собралсяѣхать назадъ на родину. Въ самый день отѣзда, дворъ вмѣстѣ съ нимъ завтракалъ въ замкѣ Грипсгольмѣ, и нашъ ясновидецъ тутъ же сидѣлъ за столомъ, почти противъ принца. Во время веселаго разговора, графиня Енгстрѣмъ, кажется, жена ministra иностранныхъ дѣлъ, или другая дама, замѣтила, что ясновидецъ поблѣднѣлъ, вдрогнулъ, сталь пристально смотрѣть на принца и пріунылъ. Другое этого не видали; завтракъ кончился благополучно, придворные простились съ принцемъ, и королевская семья поѣхала провожать его до моря. Пока ожидали ихъ возвращенія, графиня, съ женскимъ любопытствомъ и настойчивостью не давала покоя ясновидцу, требуя непремѣнно, чтобы онъ рассказалъ

ей, что его смущило; онъ отнѣквался, она приставала. Отдѣлившись отъ другихъ группъ, они остались у окна, въ виду большой дороги; тутъ наконецъ ясновидецъ рѣшился сказать своей собесѣдницѣ, что плохо принцу прійдется: во время завтрака онъ увидѣлъ за столомъ принца его же самаго, стоящаго за нимъ,—точно живой двойникъ, но задумчивый и въ другомъ нарядѣ. Настоящій принцъ былъ въ мундирѣ Шведскомъ или Баденскомъ (не помню), а привидѣніе стояло въ Русскомъ мундирѣ. «Ну, что же?» спросила графиня. «Не хорошо», отвѣчалъ задумчиво тотъ. «Отъ чего не хорошо? Что же тутъ такого? Чего вы боитесь?»—«Разумѣется, ничего, все вздоръ; зачѣмъ же вы меня спрашивали?» Онъ едва успѣлъ выговорить эти слова, какъ оба они увидѣли въ окно скачущаго опрометью верховаго. «Бѣда, бѣда», кричалъ онъ, «скорѣе доктора, помощи! Принца опрокинули, онъ крѣпко разбился». Все засуетилось, бросилось на дворъ на улицу. Принца черезъ иѣсколько часовъ не стало; когда привезли тѣло, онъ былъ въ Русскомъ мундирѣ: по какому-то случаю онъ, садясь въ карету, перемѣнилъ платье и надѣлъ Русскій мундиръ. Такимъ образомъ, даже и въ этой подробности сбылось предсказаніе ясновидца.

Но не одинъ этотъ господинъ имѣлъ видѣніе въ замкѣ Грипсгольмѣ; и другое, изъ такихъ же достовѣрныхъ источниковъ почерпнутое, то есть, разсказанное очевидцами, передавалъ намъ батюшка. Королева, не помню, жена ли Густава III или Карла XIII, провела часть лѣта въ замкѣ Грипсгольмѣ, тоже немногого лѣть до пріѣзда батюшки въ Стокгольмъ. Погода стояла ясная, теплая; однажды, послѣ обѣда, на который было приглашено иѣсколько постороннихъ лицъ, королева предложила гостямъ прогулку со всею свитою по саду. Вечеръ былъ такой теплый, что, отдохнувъ въ одной бесѣдкѣ, королева оставила въ ней красную шаль, которую было надѣла, но въ которой показалось ей слишкомъ жарко, и пошла дальше. Общество было отборное, разговоръ оживленный, королева весела; время шло незамѣтно, катались въ лодкѣ по озеру, прогулка длилась, и на возвратномъ пути королевѣ показалось что-то сырое; сдѣлалась у нея легкая дрожь, и она приказала своему маленькому пажу опередить ее и поскорѣе принести ей шаль. Мальчикъ побѣжалъ къ бесѣдкѣ, но хотя гуляющіе шли тихо, не возвращался. «Пойдемте же сами къ бесѣдкѣ», сказала королева и повернула туда. Когда они подошли, пажъ стоялъ у двери блѣдный, смущенный; королева шутя погрозила ему пальцемъ, говоря: «Ну что же? Принеси мнѣ хоть теперь мою шаль». Но пажъ стоялъ какъ вкопанный. «Хотѣль... нельзя... не могу... не смѣю...». «Чтѣ это значить?» спросила королева и пошла къ двери. «Не ходите, не ходите!» вскричалъ пажъ: «я былъ тамъ, я хотѣлъ взять красную шаль,

которая лежала на диванѣ; но какая-то незнакомая женщина, вся въ бѣломъ, страшная, очутилась у самаго дивана, положила одну руку на шаль, а другою подала мнѣ знакъ, чтобы я вышелъ.» Королева слегка измѣнилась въ лицѣ, однако твердымъ голосомъ сказала пажу: «Пусти!» и, обращаясь къ гостямъ, прибавила: «Пойдемте въ бесѣдку; не бойтесь, это до меня одной касается; бѣлая дама только съ моимъ родомъ имѣеть дѣло». Всѣ съ нею вошли въ бесѣдку; тамъ лежала шаль на диванѣ, никого въ бесѣдкѣ не было; но королева въ этотъ годъ и умерла.

Эти два случая батюшка слышалъ отъ свидѣтелей - очевидцевъ, и потому они достовѣрны, во сколько такія явленія могутъ быть удостовѣрены; но другой случай въ этомъ же замкѣ произошелъ гораздо прежде, такъ что онъ уже былъ переданъ не тѣми лицами, которыхъ тогда жили.

Королева Ульрика умерла въ замкѣ Грипсгольмѣ. На другой день кончины ея, какъ только успѣли положить ее подъ катафалкъ, на такъ называемой *парадной кровати умершихъ*, къ дверямъ замка подѣхала, вся обитая чернымъ сукномъ, траурная карета, шестерикомъ, съ траурною упряжью, съ кучерами и лакеями въ траурныхъ ливреяхъ. Изъ кареты вышла дама въ глубокомъ траурѣ, и въ ней узнали графиню Стейнбокъ, друга королевы Ульрики, которая почему-то была удалена отъ нея и отъ двора и жила далеко въ деревнѣ. Тогда не было телеграфовъ, и присутствующіе удивились, какъ она успѣла узнать о смерти королевы такъ скоро, что уже явилась въ полномъ траурѣ; однако ее впустили. Она вошла съ тихимъ достоинствомъ, поклонилась царедворцамъ, которые, вѣроятно, и разлучили ее съ королевой, взошла на ступени къ кровати и наклонилась надъ умершою, чтобы проститься съ нею; умершая привстала, открыла ей объятія, и долго и крѣпко обнимались давно разлученные пріятельницы. Потомъ королева опустилась на свои подушки въ недвижномъ одѣженіи смерти, а графиня Стейнбокъ опять тихо поклонилась, прошла мимо изумленныхъ, испуганныхъ придворныхъ, сѣла въ свою карету и уѣхала. Черезъ нѣсколько дней узнали, что графиня Стейнбокъ скончалась въ своей деревнѣ на другое утро послѣ смерти королевы. Не она живая, а ея тѣнь приходила помириться съ другомъ своимъ, королевой, когда въ ясномъ видѣніи загробномъ обѣ поняли, что сердца ихъ не измѣнили другъ другу, а только ловкіе люди умѣли ихъ разлучить.

Сторожилы рассказывали это за несомнѣнное происшествіе. Что же касается до извѣстного разсказа о видѣніи какого-то сверхъестественнаго верховнаго суда и приговора, батюшка собиралъ свѣдѣнія и справки, и оказалось, что мнимыс документы поддельны, и даже

какая-то неточность въ подписи короля доказываетъ невѣрность всего рассказа.

Другой необыкновенный случай разсказывали батюшкѣ очевидцы. Это уже происходило не въ замкѣ Грипсгольмѣ, а въ Стокгольмѣ, въ королевскомъ дворцѣ. 15-го Марта 1792 года, братъ короля Густава III-го, герцогъ Зюдерманландскій пошелъ въ кабинетъ или библіотеку короля отдохнуть послѣ обѣда и забылъ тамъ свой шарфъ. Вечеромъ, когда была пора отправиться въ маскарадъ, онъ вспомнилъ про шарфъ и послалъ пажа или камердинера за нимъ въ кабинетъ. По прошествіи нѣкотораго времени тотъ воротился, говоря, что никакъ не могъ войти въ комнату: замокъ у двери, должно быть, испорченъ; ключъ въ замкѣ, а повернуть никакъ нельзя. Герцогъ сѣмъ пошелъ, и только тронулъ дверь, она отворилась; но онъ отскочилъ, ибо передъ его глазами лежала на диванѣ фигура мужская—вся въ крови, которая текла изъ свѣжей раны. Лица не видать было; по ему казалось, что это или онъ самъ, или король. Оправившись отъ первого впечатлѣнія, онъ подошелъ къ дивану; но видѣніе уже изчезло. Онъ схватилъ свой шарфъ и поспѣшилъ въ маскарадъ. На этомъ маскарадѣ братъ его, король Густавъ III-й, былъ смертельно раненъ изъ пистолета графомъ Анкарстремомъ, и раненаго принесли для первой перевязки въ тотъ самый кабинетъ и положили на тотъ самый диванъ, гдѣ братъ видѣлъ его образъ или тѣнь, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

По случаю одной подробности этого происшествія, именно той, что дверь не могъ отворить камердинеръ, а какъ скоро взялъ ключъ герцогъ Зюдерманландскій, она легко отперлась, батюшка разсказывалъ, что *знатоки этого дѣла*, Шведы и Шотландцы, ему говорили, что всегда такъ бываетъ: явленіе, привидѣніе изъ духовнаго міра дается только тому, кто назначенъ судьбой для принятія этой тайны, «he who is fated», а для другихъ оно остается недосягаемо, непостижимо. Не то ли бываетъ и вообще въ области духовной? То, что дается какимъ-то внутреннимъ откровеніемъ инымъ избраннымъ,—и крѣпость вѣры, и пониманіе прекраснаго, и творческая сила поэзіи, и чутъе въ оцѣнкѣ людей,—все это недоступно и непонятно дюжиннымъ натурамъ, которымъ нужна грубая осознательность для вѣры, математическая точность для пониманія и очевидность открытыхъ, топорной работы, пружинъ, для объясненія неуловимо-тонкихъ движений ума и сердца, составляющихъ собою характеръ, то есть особенность каждого человѣка. О самихъ привидѣніяхъ, о явленіи умершихъ и о тѣхъ пророческихъ видѣніяхъ, о которыхъ Англичане говорятъ, что идущія намъ на встрѣчу, будущія происшествія бросаютъ свою тѣнь на землю передъ собою, можно спорить и дѣлать разныя предположенія;

но совершенно отрицать ихъ—точно ли благоразумно? Не все ли великое, не все ли духовное для человѣка необъяснимо?

Воть еще другаго рода пророческія видѣнія, второе зрѣніе, о которомъ рассказывала мнѣ матушка не разъ (а она никогда не дозволяла себѣ не только прикрасы, но даже преувеличенія правды). Она была очень дружна съ сестрами Каховскими; одна вышла замужъ за Арсеньева, другая, Александра, умерла въ чахоткѣ и имѣла способность видѣть не будущее, но далекое настоящее, посредствамъ зеркала. Во время долгихъ отлучекъ батюшки, когда онъ не былъ еще принять какъ женихъ княгиню Щербатовой, но въ душѣ былъ единственнымъ суженымъ княжны, она прибѣгала къ своей подругѣ, столь чудесно одаренной, чтобы узнавать о своемъ миломъ и таинственно слѣдить за нимъ сквозь всѣ преграды времени и пространства. Въ самихъ занятіяхъ отсутствующаго не было ничего замѣчательнаго; но видѣнія въ зеркалѣ мѣстности, комнаты и обстановка ихъ поражали своею вѣрностію, когда потомъ описывали ихъ батюшкѣ, по возвращеніи его. Такимъ образомъ рѣдкая способность молодой девушки служила какъ-бы электрическимъ телеграфомъ для любящаго сердца подругѣ, томившейся въ тревожной неизвѣстности разлуки.

Е. М. Оленина рассказывала другой, еще болѣе поразительный случай. Когда я ее знала, она была благоразумною, практическою женщиной, большаго роста, массивною, съ правильными чертами, съ здоровыми нервами, хотя уже старою, и ничего не высказывалось въ ней нервнаго, похожаго на воспріимчивость и раздражительность воображенія. Но въ 1807 году она была еще молодою девушкою. У кого-то въ деревнѣ собралось много ея же лѣтъ подругъ, и у всѣхъ было тяжело на сердцѣ: у кого отецъ, у кого братъ, у кого женихъ былъ на войнѣ. Одинъ разъ сидѣли онѣ всѣ въ комнатѣ у дочери хозяина; бесѣда шла объ опасностяхъ и трудахъ отсутствующихъ милыхъ, и сѣтовали онѣ, что къ нимъ, въ деревню, и вѣстей не доходитъ изъ арміи: Богъ знаетъ, кто изъ близкихъ живъ, кто убитъ, кто раненъ. Между такими рѣчами одной изъ нихъ пришла мысль поглядѣть да погадать въ зеркалѣ, какъ дѣлается на святкахъ. Которая изъ нихъ стала насыщаться, которая сомнѣвалася, а нѣкоторая и пристали къ этому предложенію. «Посмотри-ка», сказала одна изъ нихъ хозяйской дочкѣ,—«посмотри, гдѣ мой братъ? Чѣд съ нимъ теперь?» Сѣла за зеркало хозяйская дочка; все обстановили какъ должно, и стала она смотрѣть, а другія всѣ разсѣлись поодаль и молчали или тихо, шепотомъ переговаривались, чтобы не мѣшать вѣщунѣ. Долго сидѣла она, не произнося тоже ни слова, — оно уже стало и надоѣдать другимъ,—какъ вдругъ заговорила: «Воть, воть, туманъ схо-

дить со стекла, вотъ лѣсокъ, песчаный берегъ, рѣка, большая, быстрая рѣка! Господи, сколько народу! Все войска, лагерь, солдаты, пушки, кони, на обоихъ берегахъ. Чѣдъ это тамъ суетятся у подошвы горы, на самомъ берегу? Кажется, всѣ штабные тутъ.... А, отчалила лодка съ того берега; въ ней маленькаго роста генераль сидитъ; вотъ плотъ на серединѣ рѣки, другая лодка причалила, смотри!» Оленина подошла и стала за стуломъ подруги, посмотрѣла въ зеркало и сама увидала все это. «Вотъ, и другой генераль взошелъ на плотъ; онъ повернулся — Государь!» вскрикнула хозяйская дочь и вскочила сама, пораженная удивленіемъ.

Это было 13-е Іюня 1807 года, день Тильзитскаго свиданія двухъ императоровъ, о которомъ уже, конечно, никто не думалъ, не гадалъ, и всего менѣе эти молодыя дѣвушки.

Всѣ эти чудные разсказы я, разумѣется, слышала гораздо позже, или по крайней мѣрѣ ихъ повторяли мнѣ послѣ; но съ самыхъ первыхъ лѣтъ я помню многія историческія преданія, въ которыхъ часто играло роль чудесное, а само историческое не всегда было вѣрно. Такъ, помню, я очень долго держалась (про себя) мнѣнія, будто гр. Николай Михайловичъ Каменскій былъ отравленъ происками старшаго брата и предательствомъ Закревскаго. Эта нелѣпая легенда ходила между домашними фельдмаршальши графини Каменской, и одна бывшая горничная матушки передавала эти свѣдѣнія намъ въ дѣтской, куда ходила къ моей Дадѣ. Я была такъ увѣрена въ истинѣ этого разсказа, что увидѣвъ въ первый разъ графа Сергѣя Михайловича, много лѣтъ спустя, когда мнѣ было уже лѣтъ пятнадцать или шестнадцать, я посмотрѣла на него съ ужасомъ и содроганіемъ и спѣшила уйти изъ комнаты: такъ онъ мнѣ казался страшенъ. Уже гораздо позже, учась новѣйшей исторіи, я навела справки и, спросивъ конфиденціально о томъ у матушки, убѣдилась наконецъ, что это была клевета.

Эта бывшая горничная, жена нашего буфетчика, Авдотья Харитоновна, много передавала намъ военныхъ разсказовъ. Мужъ ея, Иванъ Сергѣевъ, былъ отставной сержантъ или унтер-офицеръ и служилъ при Суворовѣ, иногда и въ должности денъщика. Эту чету я помню только не молодою; потомъ состарѣлись они въ моихъ глазахъ, и Суворовскій солдатъ умеръ нѣсколько лѣтъ прежде жены. Они крѣпко любили другъ друга. Жена, окруживъ мужа нѣжностю и заботою до послѣдняго часа, тосковала по немъ всю остальную жизнь свою и, умирая, просила, чтобъ ее похоронили, буде можно, недалеко отъ него и положили бы съ нею въ гробъ его портретъ. Гаврила, нашъ милый, нашъ добрый Гаврила, также жилъ душа въ душу съ своею

старушкой Афимьей. Вижу, какъ теперь, какъ она стоитъ, маленькая, бѣленькая, сѣденькая, въ своемъ свѣтленькомъ платьице, въ своеи чисто-выбѣлениомъ съ густою оборкою чепцѣ, держить въ рукѣ свѣчу и тихо плачетъ, и тихо крестится, пока соборуютъ умирающаго 90-лѣтнаго Гаврилу; а онъ, съ спокойствіемъ духа и кроткою твердостю Русскаго простолюдина, безъ страха и волненія, смотрѣть въ глаза приближающейся смерти и только беспокоится объ одномъ—чтобъ я не простудилась, переходя черезъ дворъ изъ нашихъ комнатъ въ его! Послѣ окончанія обряда онъ приподнялся, поцѣловалъ меня и дрожащимъ голосомъ сказалъ мнѣ: «Берегитесь!» Послѣдняя забота его была о дочери любимаго барина. Онъ черезъ нѣсколько часовъ скончался. Я такъ плакала и горевала, что меня не пустили къ тѣлу, и я уже не видала его послѣ смерти; а старушка Афимья перебралась на нашу половину, такая же бѣленькая и сѣденькая, тихая и кроткая. Она не носила ни чернаго платья, ни чернаго чепца, и слезъ не много проронила, и о старицѣ своемъ не говорила; но не прошло полгода, она сошла за нимъ въ могилу безъ особой болѣзни, безъ виѣшнихъ знаковъ особеннаго горя, тихо, кротко, покорно; какъ жила, такъ и умерла.

Однако я опять забѣгаю впередъ. Гаврила Никитичъ и Авдотья Харитоновна много рассказывали мнѣ, или при мнѣ моей нянѣ, о недавнихъ событияхъ исторіи. Дядя моего отца со всѣмъ семействомъ погибъ отъ Пугачева, и еще долго, долго, до втораго и третьяго поколѣнія, дѣти слушали съ ужасомъ отъ старыхъ служителей семейства, какимъ образомъ кормилица спрятала было груднаго ребенка дяди и думала, что спасла его; но шайка внезапно воротилась, и одинъ изъ злодѣевъ, схвативъ за ноги ребенка, размозжилъ ему черепъ обѣ стѣну въ глазахъ вѣрной кормилицы. Обѣ этомъ дядѣ батюшка часто вспоминалъ. Между прочимъ онъ разсказывалъ одно замѣчательное обстоятельство. Дядя его изучалъ хиромантію и иногда довольно вѣрно угадывалъ по сгиbamъ руки или чертамъ лица судьбу человѣка. Онъ какъ-то познакомился съ другимъ, свѣдущимъ по этой части; единство предмета занятій и любовь къ нему сблизили ихъ. Послѣ нѣкотораго времени, новый знакомецъ сказалъ ему (конечно не безъ оговорокъ), что его ожидаетъ смертная казнь. «Знаю», отвѣчалъ дядя моего отца, «но знаю тоже, что я никогда этой казни не заслужу и погибну безвинно; для моего спокойствія мнѣ больше и не нужно». Онъ погибъ въ слѣдующемъ году отъ Пугачева.

Многіе жертвъ пало изъ нашего семейства около Казани въ это смутное время, и рассказы Гаврилы такъ дѣйствовали на меня, что

я не чувствовала никакой жалости, а скорѣе какое-то злорадствное любопытство, когда доходило до описания желѣзной клѣтки, въ которую посадили изверга.—Не такъ безжалостно относилась я къ Волжскимъ разбойникамъ, въ похожденіяхъ которыхъ все-таки слышалось и увлекательное удальство, и даже какое-то дикое великодушіе: хотя они и разоряли, и грабили, и жгли селенія, но по крайней мѣрѣ изъ простой корысти, смѣшанной съ тѣмъ наслажденіемъ, которое находится въ чрезвычайномъ подвигѣ, даже преступномъ, въ опасности, въ борьбѣ, въ успѣхѣ, въ самой силѣ, будь она нравственная или физическая. Чуялось ли это смутно ребенку,—не знаю; а можетъ быть, и самъ Гаврила болѣе сочувственно относился къ нимъ въ своихъ рассказахъ, чѣмъ къ Пугачеву; но Волжские недобрые молодцы остались навсегда въ моей памяти съ почти-героическимъ оттѣнкомъ. Рано зарождается въ женщинахъ какая-то безразсудная отвага, и даже въ ребячествѣ опасность манитъ ихъ и привлекаетъ къ себѣ—не изъ за цѣли, а изъ-за тревоги и обаянія въ самомъ чувствѣ побѣжденнаго страха, изъ-за призванія къ самопожертвованію, къ произвольному страданію за другихъ, безъ разбора и почти безъ сознанія; по крайней мѣрѣ, по большей части такъ бываетъ. Жизнь и ея горькій опытъ дѣлаютъ насъ боязливыми, но по природѣ у насъ есть врожденная жажда подвига, которая иныхъ бросаетъ въ крайности аскетизма, другихъ въ крайности разврата, а въ болѣе счастливыхъ развивается тогъ геройизмъ семейнаго ежеминутнаго самозабвенія и самоотреченія, который остается тайною домашняго очага и потому не цѣнится или отрицается посторонними. Дайте правильный исходъ этому врожденному геройству, и вы увидите княгиню Наталью Долгорукову, Гертруду Фонть-деръ-Бартъ, Корнелію, мать Гракховъ, или тѣхъ скромныхъ героинь-христіанокъ, которые послѣдовали въ 1826 году за мужьями въ Сибирь, и тѣхъ сестеръ милосердія, которыхъ во Франціи, въ Пруссіи, въ Крыму отдавали и отдаютъ всю жизнь свою на жертву, въ помощь и облегченіе недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ. Не давайте правильнаго исхода этой женской отвагѣ, — вы найдете m-lle de la Valli re, Agn s Sorel и даже Ninon de Lenclos, и нашихъ современныхъ нигилистокъ! Эти сорные травы и эти цѣлебныя зелья — произрастенія одной и той же почвы.

Итакъ, въ рассказахъ ли Гаврилы, или въ моемъ собственномъ воображеніи, удалые молодцы, которые плыли «вназѣ по матушкѣ по Волгѣ», промышляя по своему, вооруженною рукой и слагая звучныя пѣсни свои, были довольно увлекательныя лица, и мнѣ становилось жаль подъ часъ, что прошло то бурное, славное время. Бывало, бабушка Катерина Ермолаевна, когда жила вдовою въ Танкѣевкѣ (Спас-

скаго уѣзда Казанской губерніи), созоветъ всѣхъ дворовыхъ и моло-дыхъ крестьянъ, наберетъ такимъ образомъ отрядъ человѣкъ въ 300 или 400, раздастъ имъ охотничы ружья, пистолеты, патроны, поставить двѣ маленькия пушки у воротъ усадьбы; канава вокругъ сада исполняетъ должность рва, и бабушка съ маленькимъ сыномъ заси-деть въ своей импровизированной крѣпости, ожидая осады непріятеля. Большею частію этимъ и кончалась бѣда. Добрые молодцы съ пѣсня-ми проплынутъ вдоль рѣки у берега: оружіе спрятано, распива (лодка) съ золоченою кормой и носомъ несется быстро на своихъ натянутыхъ парусахъ; сидять по ея бокамъ смирно и лѣниво молодые купчики,— хозяинъ въ щегольскомъ полукаftанѣ или полушибуркѣ, съ шапкой на бекрень, распоряжается, будто торговцыѣ ёдутъ на ярмарку. Но не похожъ этотъ удалой соколиный взглядъ, эта молодецкая осанка, эта ловкая, быстрая походка на скромнаго купеческаго сына: это самъ молодой атаманъ, это его шайка съ нимъ, и какъ затянутъ они пѣсню, да гаркнетъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ: «въ темномъ лѣсѣ», такъ по всему берегу и забьется сердце у мужичковъ, и пока несутся зву-ки, удаляясь, утихая, заминая на водахъ, стоять они да крестятся и откликаются и старый и малый; а парней иногда въ душѣ и тянетъ туда къ Волгѣ, къ разгулу этой заманчивой жизни, между тѣмъ какъ молодухи сожалѣютъ о дѣвкѣ-красавицѣ, чтѣ сидѣть на палубѣ, раз-одѣтая въ парчевомъ шушунѣ съ длинною лентой въ длинной косѣ, и на нее такъ дерзко и любовно поглядываетъ удалой атаманъ. При-знаться, мнѣ совсѣмъ не жаль бывало, а скорѣе завидно этой не-вѣстѣ (какъ я полагала) разбойника, которая дѣлила съ нимъ опа-сности его тревожной жизни. Однако эта преступная зависть прохо-дила, и я возвращалась къ законному сочувствію и восторгу, когда рѣчь доходила до опасности, въ которой бабушка сама оказалась однажды. Въ приволжскихъ деревняхъ мужики позажиточнѣе большою частію откупались отъ молодцевъ, выходя на берегъ съ хлѣбомъ и солью, съ шитыми шелкомъ и золотомъ полотенцами и ручниками, на которыхъ, кромѣ хлѣба, лежали и деньги, собранныя всѣмъ міромъ и подносимыя добрымъ молодцамъ; а разбойники, имѣя своего рода честь *), почитали недозволеннымъ нападать на такихъ слабыхъ и говорчивыхъ людей. Но бабушка имѣла тоже свои понятія о чести и достоинствѣ барыни-помѣщицы и не соглашалась на такія сдѣлки съ непріятелемъ. Пока живъ былъ дѣдушка, его огромная псовая охота служила обороной усадьбы и острѣсткой для разбойниковъ.

*) Честь въ смыслѣ *point d'honneur*. Le *point d'honneur*, говоритьъ Грабовскій, c'est la contrefaçon de la conscience. (Щегольство честью есть поддѣлка совѣсти).

Но послѣ него экономические расчеты заставили уничтожить весь этот штатъ и всѣхъ собакъ, оставивъ только злѣйшихъ изъ послѣднихъ для ночного караула, между тѣмъ какъ воинственные псари превратились въ мирныхъ ткачей вновь увеличенной и усовершенствованной подотяянной фабрики. Разбойники знали все это и рѣшились наказать Катерину Ермолаевну за ся гордость и несговорчивость. Однако, изъ презрѣнія ли къ женщинѣ, или изъ рыцарства, они объявили зачинѣе походъ на нее. Высадившись большою шайкой на заливныхъ лугахъ имѣнія, они кинулись къ усадьбѣ. Крикъ, плачъ и вой поднялся въ деревнѣ, которая лежитъ противъ самой усадьбы, на другомъ берегу пруда; а Катерина Ермолаевна, велѣвъ зарядить пушки и ружья и палить въ добрыхъ молодцевъ, какъ только станутъ подходить, отправила вѣрнаго слугу къ ближайшему пикету съ требованіемъ помощи; но не скоро могъ пробраться посланный, и не скоро, даже, на подводахъ, приѣхала военная команда. Во все это время Катерина Ермолаевна, съ замѣчательнымъ присутствиемъ духа и распорядительности, выдержала нешуточное нападеніе разъяренныхъ разбойниковъ, и не будь этихъ двухъ пушченокъ, ей бы, вѣроятно, не сдѣлать; однако Богъ помогъ! Команда пришла во время, и усадьба и деревня уцѣлѣли. Съ тѣхъ поръ эти двѣ пушки служили уже только украшеніемъ или трофеями въ усадьбѣ, да въ необыкновенно торжественныхъ случаяхъ изъ нихъ палили холостыми зарядами въ видѣ салютовъ. Уже послѣ кончины Катерины Ермолаевны, батюшка ѿздилъ въ свою Казанскую вотчину на освященіе вновь оконченной или перестроенной церкви надъ могилами его отца и дѣдовъ. Разумѣется, одна изъ достославныхъ этихъ пушченокъ была подвезена къ церкви, и во время благодарственнаго молебствія изъ нея дали залпъ, потомъ другой; а тамъ вдругъ трескъ, шумъ, ужасный крикъ, и батюшка выбѣжалъ изъ церкви узнать, какая бѣда случилась. Вышло, что отставной солдатъ, исправлявшій должность артиллериста, неосторожно передалъ молодому парню, котораго онъ взялъ себѣ въ прислугу, полупотухшій фитиль, и тотъ, стоя подлѣ пушки съ мѣшкомъ на шеѣ, полнымъ патроновъ, положилъ курящійся фитиль въ мѣшокъ. Послѣдовалъ ужасный взрывъ. Парень былъ страшнымъ образомъ раненъ; лицо все опалено, глаза или по крайней мѣрѣ вѣки, повреждены, а главное, вся грудь растерзана, такъ сказать, вспахана порохомъ: кожа содрана, мясо въ клочкахъ, кость обнажена. Сорокъ лѣтъ спустя, батюшка не могъ говорить объ этомъ безъ содроганія: такъ ужасно было положеніе бѣднаго мужика, такъ раздирательны были его крики и стоны. Чѣмъ дѣлать? Казалось, онъ долженъ умереть въ мученіяхъ. Батюшка сейчасъ же послалъ за

докторомъ, а между тѣмъ обступили его крестьяне: «Позволь, баринъ, позвать бабъ-знахарокъ; у насъ есть двѣ; онъ вылечить, у нихъ есть заговоръ отъ всякой боли». Нечего было препираться о разумности или неразумії такого лѣченія въ эту минуту. Несчастнаго страдальца отнесли въ сарай по близости, положили на сѣно, и пришли двѣ бабы. Онъ требовали, чтобы всѣ вышли вонъ, въ томъ числѣ и батюшка; что тамъ дѣлалось въ сараѣ, онъ, слѣдовательно, не видалъ; но не прошло двухъ минутъ, какъ крики и стоны прекратились, боль унялась, и раненый заснуль. Когда докторъ прискакалъ, больной былъ совершенно спокоенъ: не было ни боли, ни жару, и послѣ перевязки и другихъ медицинскихъ пособій онъ выздоровѣлъ. Мгновенно-совершенное утоленіе боли и жару осталось несомнѣннымъ, но необъяснимымъ событиемъ.

Тутъ же на Волгѣ, — не знаю только въ Казанской ли губерніи,—знаменитый Ванька-Кайнъ держалъ свою шайку и ходилъ съ нею въ разбой. Не знаю его происхожденія и первоначального образа жизни; но, по рассказамъ моего дѣтства, его натура была необыкновенная, не дюжинная: и добрые великолѣпные порывы его, и поэтическая тоска, и минуты отчаяннаго раскаянія дѣлаютъ изъ него истинно-драматическое лицо. Безстрашный, предпримчивый, лукавый, онъ умѣлъ и переряжаться, и скрываться, и дерзко обманывать, и неудержимо за собой увлекать, и безпощадно разрушать, и великолѣпно миловать. Сопротивленіе отчаяннымъ его набѣгамъ наказывалось пожаромъ и грабежемъ; но бѣдному, слабому, ищущему у него самаго защиты онъ никогда не отказывалъ, и часто, бывало, одарить, грабленнымъ добромъ конечно, но все-таки поставить на ноги бѣдняка, возстановить цѣлое семейство честное, «соторвя себѣ друзіи изъ мамоны неправды», завидуя со слезами честности и невинности ихъ. Таборъ свой держалъ онъ въ строгомъ повиновеніи, но съ теплой къ нему любовью. Лѣтомъ таборъ этотъ, большую частію, стоялъ въ непроходимомъ лѣсу, гдѣ шатры были раскинуты на свѣжей зеленой лужайкѣ, въ самой чащѣ лѣса, вблизи источника ключевой воды, въ тѣни старыхъ сосенъ и липъ; а склады разбойниковъ, т. е. оружіе и ворованнія вещи, находились въ подземельяхъ тутъ же въ лѣсу, куда никто не зналъ какъ пройти, кроме ихъ, и куда грабители какъ будто исчезали съ большой дороги, когда возвращались по одинокѣ съ какого-нибудь ночнаго походженія, или съ какого-нибудь праздника или базара, гдѣ они толкались и плясали и пили, какъ честные люди. Въ это ихъ святилище никто не отваживался заходить, и даже страхъ бралъ путника, когда издали услышитъ протяжный, пронзительный свистъ или дальние отголоски пѣсни, пѣсни нѣжной и заунывной,

сложенной перъдко самимъ атаманомъ-поэтомъ. Многія изъ самыхъ гармоническихъ и поэтическихъ пѣсней, которая и понынѣ поются, сочинены Ванькой - Каиномъ. Однажды, въ неудержимомъ порывѣ раскаянія, онъ рѣшился пойти и самъ выдать себя властямъ, что бы изъ того ни вышло; такъ, по крайней мѣрѣ, гласилъ разсказъ, дoшедшій до меня. Вмѣсто казни или тюремы, его за чистосердечное раскаяніе приняли въ милость и, въ доказательство измѣненій нравственности и возвращенія къ добру, ему поручили помогать полиціи открывать и ловить разбойниковъ, и хоть оно, вѣроятно, ему было и не совсѣмъ ловко, однако Ванька-Каинъ пошелъ изъ воровъ въ сыщики, иногда негоцировалъ мирную сдачу разбойниковъ, а иногда накрывалъ ихъ на самомъ мѣстѣ воровства. Но наконецъ дошла очередь и до его бывшей шайки. Взялся онъ вести съ прежними товарищами переговоры, обратить ихъ и склонить къ повиновенію закона. Отправился Ванька-Каинъ, и отправился одинъ, какъ это бывало, когда дѣло шло о мирной сдачѣ. Пробрался онъ въ лѣсъ рано-ранехонько утромъ, а въ лѣсу такъ зелено и благоухало, такъ сладко пѣли птицы, такъ тихо шептали листья, такъ вольно гулять вѣтерокъ! Шелъ Ванька, и каждый кустъ, и каждая травка, и стройная сосна, и широкій папортникъ, и кривой дубнякъ, и бѣлая березка, все какъ будто шлютъ ему привѣтъ, какъ будто говорятъ ему о прежней волѣ; и вотъ, сквозять и пробираются съ высоты деревъ на землю веселые лучи солнца, и выходить онъ изъ чащи лѣса на свѣжую лужайку у самого ключа, гдѣ стоялъ его шатерь. И такая взяла его тоска по прежнему раздолю, по прежнему разгулу, по прежнимъ товарищамъ и по прежней власти, что свиснула онъ своимъ молодецкимъ свистомъ и собралъ всю шайку вокругъ себя. «Вотъ, я вашъ опять, ребята!» вскричалъ атаманъ; — «надоѣла мнѣ городская ихъ жизни, надоѣло мнѣ быть даровой ихъ хлѣбъ, надоѣло мнѣ жить честнымъ по ихъ человѣкомъ! Давайте, ребята, водю молодецкую, да удалые набѣги наши, да веселый разгуль! Ужъ не атаманъ вамъ теперь я, а стану въ ваши ряды опять!» Такъ кончились переговоры о сдачѣ; походъ Ваньки-Каина въ лѣсъ, въ свой старый таборъ кончился тѣмъ, что попалъ онъ опять въ атаманы разбойниковъ и пошелъ съ ними по прежнему гулять. Наконецъ ужъ его поймали, и онъ всю остальную жизнь просидѣлъ въ тюрмѣ. Не знаю, это преданіе совсѣмъ ли согласно съ истиной; но такъ гласитъ оно. Рассказъ обыкновенно заключался словами: «Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ».

Къ этимъ не весьма точнымъ преданіямъ о подвигахъ разбойниковъ присоединялись и не совсѣмъ точные повѣствованія о военныхъ

дѣйствіяхъ Суворова, Каменскаго, Кутузова; но все-таки *общія впечатлѣнія* были довольно вѣрны. Такъ, въ моей памяти сохранился Суворовъ какъ гигантская фигура, шагающая, *едва ли не буквально*, въ два шага черезъ цѣлую цѣпь снѣжныхъ горъ, съ шуткою на устахъ, съ веселую насмѣшкой въ глазахъ. Кутузовъ исчезалъ въ громадности развалинъ, пожаровъ, разоренія и неумолимой мести народной. Страданія и борьба всеобщія какъ-будто магнитически передавались пониманію ребенка простыми моими собесѣдниками, и среди ужасныхъ сценъ гибели, голода и крови побѣда нашихъ казалась мнѣ непосредственною небесною карою, которой исполнитель былъ Александръ Павловичъ, являясь мнѣ въ образѣ Архангела Михаила, со щитомъ и пламеннымъ мечемъ въ рукахъ. Смутно, но неизгладимо осталось у меня впечатлѣніе, въ послѣдствіи столь великолѣпно переданное въ стихахъ Хомякова:

Не сила людская повергла тебя,
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ,
И снѣгомъ засыпалъ дружины...

О Барклаѣ, разумѣется, я тогда и не слыхала; а къ Наполеону я всю жизнь сохранила враждебное чувство, внушенное моими старыми собесѣдниками, которые относились къ нему не лучше, чѣмъ къ Пугачеву. За то молодой графъ Каменскій являлся въ ихъ рассказахъ щедро одаренный всею славою и всею привлекательностью юности, красоты, геройства и безвременной кончины. Да, вообще война съ Турками для этихъ современниковъ Екатерины, а чрезъ нихъ и для меня, казалась какимъ-то нормальнымъ состояніемъ для Россіи, какъ въ древнія времена война съ Татарами и Польшей, которая прекращалась лишь перемириями, болѣе или менѣе продолжительными, но не кончалась вѣчнымъ миромъ, пока не была сокрушена ихъ сила.

Записывая все это, я спрашивала себя: стоитъ ли оно труда? Можетъ быть, однако, оно останется отголоскомъ понятій и возврѣній того времени, столь отдаленного и не похожаго на нынѣшнее, что даже я, на второмъ полувѣкѣ жизни, сохранила о немъ только преданія и общее впечатлѣніе. Правда, у меня Суворовскіе и Каменскаго подвиги часто сливались въ одно, и когда я слушала про взятие Очакова или Измаила, главнокомандующій не ясно представлялся мнѣ; кровавые, но блестательные личные подвиги (почти невозможные при новой системѣ войны, гдѣ нужно сражаться въ полуверстѣ другъ отъ друга)

плѣняли и сильно врѣзывались въ память. Смѣшеніе христіанскаго съ мусульманскимъ населеніемъ, эти братья, которыхъ надобно было щадить и охранять въ самую минуту штурма, когда не давали попыткы невѣрнымъ и отъ нихъ не принимали ея, все это придавало романическій интересъ военнымъ дѣйствіямъ. Такъ (уже это Ланжеронъ разсказывалъ батюшкѣ), при взятіи Измаила, ворвавшись въ городъ, Русскіе пошли въ штыки, опрокидывая передъ собою живыя стѣны непріятельскаго войска, въ бѣшеной атакѣ встрѣчая бѣшеный же отпоръ; кровь лилась буквально ручьями, такъ что шли они по щиколку въ крови, и никогда никакая прачка не могла вымыть и выѣлить чулки, въ которыхъ бытъ Ланжеронъ въ этотъ день,—такъ напитались они кровью. Во время этого штурма, когда Русскіе солдаты неслись такимъ неодолимымъ потокомъ, духовенство у дверей православныхъ церквей, и въ защиту своихъ, и въ привѣтъ побѣдителямъ, выходило съ крестомъ и святою водою. Солдаты отнимутъ правую руку отъ ружья, перекрестятся, и опять за штыкъ, опять колоть въ ожесточеніи боя, съ опьяненіемъ чувства побѣды. «А прекрасно было смотрѣть на этихъ молодцевъ», говоривъ Ланжеронъ; «да не дурно было посмотреть и на Турокъ: бѣшено, отчаянно они дрались. А наши, не щадили никого, кто попадется на встрѣчу; и женщины, и дѣти погибали, если случались на дорогѣ. Шла эта живая сокрушительная волна или тромба, не разбирая что на ея дорогѣ; все уносить съ собою, все стираеть съ лица земли; развѣ офицеры успѣютъ спасти ребенка и возмутъ его себѣ. О, прекрасное зрѣлище это было!» прибавлялъ Ланжеронъ *). Въ пылу такихъ восторженныхъ воспоминаній, Ланжеронъ на канунѣ штурма какой-то крѣпости приготовилъ было приказъ въ подражаніе Суворовскому, который и показывалъ батюшкѣ. Но Каменскій не одобрилъ его, и потому приказъ этотъ на ломанномъ Русскомъ языкѣ не былъ обнародованъ. Онъ былъ слѣдующій: «Коли, руби, граби! Знай—бери!»

Впрочемъ, кромѣ родственныхъ преданій о Каменскомъ, разсказанныхъ Авдотьей Харитоновной и Гаврилою, у насъ еще было живое олицетвореніе христіанскаго элемента Гурціи, старушка-Гречанка, вдова казацкаго генерала, который женился на ней въ одномъ изъ своихъ походовъ. Дарья Егоровна была постоянная посѣтительница нашей дѣтской, и какъ теперь вижу ея блѣдное лицо, правильныя классическія черты и блѣдую кисейную фату или большую вуаль, ко-

*) Не мѣшааетъ припомнить, что Ланжеронъ былъ самъ поэтъ и стихотворецъ. При взятіи Измаила взята въ пленъ бабка И. С. Аксакова, въ чертахъ лица, въ характерѣ и въ дѣятельности которого было такъ много южнаго. П. Б.

торою она покрывала голову и обвивала шею и лицо широкими грациозными складками. Маленькая ростомъ, съ сѣдыми до бѣлизны волосами, съ матовою бѣлизною грустнаго, благороднаго лица, съ иѣръскою потухшимъ и блуждающимъ взглядомъ, въ своемъ синемъ суконномъ платьѣ, въ родѣ широкой рясы, она рознилась отъ всего окружавшаго ее въ нашей дѣтской, въ которой она представляла какой-то особый міръ и занимала мѣсто между барыней и няней по генеральскому своему чину и по бѣдности (можеть быть), но особенно, по совершенной необразованности своей: кажется, она не знала даже грамоты. Но Дарья Егоровна, хоть и была тиха и далеко не краснорѣчива, однако самымъ краснорѣчіемъ фактъ много вносила животрепещущаго интереса въ мой дѣтскій міръ. Страданія христіанъ, борьба и подвиги ихъ, самое имя Грековъ принимали для меня такую дѣйствительность, такое близкое, домашнее значеніе съ самыхъ раннихъ лѣтъ, что я и теперь не могу привыкнуть къ равнодушію, непониманію или незнанію въ дѣлахъ христіанъ на Востокѣ, которыхъ встрѣчаю такъ часто у насъ въ Россіи. Али-Паша Янинскій и Бобелина, которая тогда занимала первое мѣсто на табакеркахъ и лубочныхъ картинкахъ, были мнѣ такъ же знакомы и близки, какъ Петръ Великій и Екатерина, и когда въ послѣдствіи мнѣ стали читать «Абидосскую Невѣсту» и «Бахчисарайскій Фонтанъ», я чувствовала себя дома между этими лицами, и ихъ среда казалась мнѣ гораздо ближе и родственнѣе, чѣмъ дѣйствующія лица Англійскаго high-life въ «Almack's» и «Pelham». Такъ сильны слѣды впечатлѣній первого дѣтства, что даже, когда изгладилась память о самихъ происшествіяхъ, и забыты всѣ подробности, все-таки общее настроение упрямо гнѣздится гдѣ-то въ потаенномъ уголкѣ нашего ума, и при первомъ прикосновеніи въ настоящемъ какого-либо случая, подходящаго къ прошлымъ событиямъ, повѣтъ на душу какъ бы роднымъ, свѣжимъ воздухомъ, и оживаютъ въ памяти всѣ люди, мысли и чувства, давно уснувшія!

Это восточное явленіе между нами, Дарья Егоровна, не была диковинкой въ то время. Греки и Гречанки, Болгары и Сербы переходили по одиночкѣ или переселялись цѣлыми семьями и даже деревнями на нашемъ Югѣ; а обычай привозить съ собою, послѣ походовъ, спасенного отъ гибели Турченка или взятыхъ въ плѣнъ Турчанокъ и дарить ихъ своимъ родственникамъ на воспитаніе или въ прислугу, занесъ много примѣси южной крови между нами, и въ пользу намъ, а не въ ущербъ, судя по Жуковскому, Аксаковымъ, Айвазовскому, которые по женской линіи Турецкаго происхожденія, и по Пушкину, который, какъ известно, былъ по матери потомокъ Негра.

Одна плѣнная Турчанка, уже не молодая, была подарена моей матери въ служанки ея двоюроднымъ братомъ, Поликарповымъ, по возвращеніи изъ похода, и такъ страстно привязалась къ своей молодой барышнѣ, что ревновала ее безумно и мучила ее и себя упреками, слезами, отчаяніемъ, со всею необузданностю огненнаго, восточнаго нрава. Этой Турчанки я не зналъ (она умерла до моего рожденія), но я много слышала о другой Турчанкѣ, прозванной Марьей, которая играла нѣкоторую роль во внутреннихъ интригахъ дома или, точнѣе, маленькаго двора у фельдмаршала Каменскаго въ Москвѣ.

Въ Москвѣ же былъ странный случай, который рассказывала мнѣ (уже долго, долго послѣ) Марья Алексѣевна Хомякова, мать поэта, сама знаяшая и лицъ, и происшествіе, и совершенно неспособная ко лжи. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, возвратясь изъ похода на Турукъ, привезъ съ собою Турскаго ребенка, вѣроятно, спасенного имъ въ какой-нибудь свалкѣ, и подарилъ его своему другу Дурнову. Мальчикъ вышелъ умненький, ласковый, добронравный. Дурновъ полюбилъ его и сталъ воспитывать какъ сына, но не хотѣлъ его окрестить, пока тотъ самъ не понялъ бы и не изучилъ истинъ христіанской вѣры. Малый подросталъ, съ любовью и жаромъ учился, дѣлая быстрые успѣхи и радовалъ сердце пріемнаго отца своего. Наконецъ Дурновъ сталъ заговаривать съ нимъ о принятіи христіанства, о святомъ крещеніи. Молодой человѣкъ съ жаромъ, даже съ увлечениемъ говорилъ обѣ истинахъ вѣры, съ убѣженіемъ о православной церкви, ходилъ съ домашними на церковныя службы, молился, казалось, усердно; но все откладывалъ крещеніе и говорилъ Дурнову: «Погоди, батюшка; скажу тебѣ, когда будетъ пора». Такъ прошло еще нѣсколько времени; ему уже минуло 16 лѣтъ, и въ немъ замѣтили какую-то перемѣну. Шумная веселость утихла въ немъ; живые, безбоязненные, свѣтлые глаза подернулись грустью; звонкій смѣхъ замолкъ, и тихая улыбка казалась какъ-то преждевременною на цвѣтущемъ ребяческомъ лицѣ. «Теперь», сказалъ онъ однажды, «я скоро попрошу тебя крестить меня, батюшка; отецъ ты мнѣ болѣе чѣмъ родной! ТеперЬ скоро пора; но прежде есть у меня просьба къ тебѣ: не откажи. Прикажи купить краски, палитру, кисти; дай мнѣ заказать лѣстницу какъ скажу; да позволь мнѣ на этотъ одинъ мѣсяцъ не пускать никого въ мою комнату, и самъ не ходи». Дурновъ уже давно привыкъ не отказывать ни въ чемъ своему пріемному сыну; какъ желалъ онъ, такъ и сдѣлали. Молодой Турукъ весь день просиживалъ въ своей комнатѣ; а какъ стемнѣетъ, придетъ къ Дурнову, по прежнему — читаетъ, занимается, разговариваетъ, но про занятія въ своей комнатѣ ни полслова; только стала онъ блѣднѣть,

и черные глаза горѣли какимъ-то неземнымъ тихимъ огнемъ, какимъ-то выраженіемъ блаженнаго спокойствія. Въ концѣ мѣсяца онъ просилъ Дурнова приготовить все къ крещенію и повелъ его въ свою комнату. Палитра, краски, кисти лежали на окнѣ; лѣстница, служившая ему въ родѣ подмостокъ, была отодвинута отъ стѣны, которая завѣшена была простыней; юноша сдернуль простыню, и Дурновъ увидѣлъ большой, писанный во всю стѣну, святой убрусъ, поддержаный двумя ангелами, и на убрусѣ лицъ Спасителя Нерукотворенный, колоссального размѣра, прекраснаго письма. «Вотъ задача, которую я долженъ быть исполнить, батюшка; теперь хочу креститься въ вѣру Христову; я жажду соединиться съ Нимъ». Обрадованный, растроганный Дурновъ спѣшилъ все приготовить, и его воспитанникъ съ благоговѣйною радостію крестился на другой день. Когда онъ причащался, всѣ присутствующіе были поражены неземною красотою, которою, такъ сказать, преобразился неофитъ. Въ тихой радости провелъ онъ весь этотъ день и безпрестанно благодарилъ Дурнова за всѣ его благодѣянія и за величайшее изъ всѣхъ—за познаніе истины и принятіе христіанства, за это неописанное блаженство, говоря, что онъ болѣе чѣмъ родной отецъ для него, что онъ не преходящую даровалъ ему, а жизнь вѣчную. Вечеромъ юноша иѣжно простился съ своимъ названнымъ отцомъ, обнималъ, благодарилъ его опять, просилъ благословенія; видѣли, что долго молился онъ въ своей комнатѣ передъ написаннымъ Нерукотвореннымъ Спасомъ; потомъ тихо заснулъ—заснулъ непробуднымъ сномъ. На другое утро его нашли мертвымъ въ постели, съ закрытыми глазами, съ улыбкой на устахъ, съ сложенными на груди руками.

Кто вникнетъ въ тайну молодой души? Какой неземный голосъ, ей одной внятный, сказалъ ей судьбу ее и призвалъ ее въ урочный часъ къ паки бытію купели? Кто объяснить это необъяснимое дѣйствіе благодати, призывающей къ Отцу Небесному невѣдомымъ, таинственнымъ путемъ въ глубинѣ сердца избранниковъ своихъ? Дурновъ оплакивалъ съ родительскою любовью своего пріемыша, хотя и упрекалъ себя за свое горе при такой святой блаженной кончинѣ. Комната, гдѣ скончался юноша, сдѣлалась часовней или молельной, гдѣ ежедневно молился Дурновъ. Въ 1812 году домъ сгорѣлъ, но стѣна съ образомъ уцѣлѣла, только изображеніе было очень повреждено; его реставрировали, и отъ оригинала остались только одинъ глазъ и бровь. Однако, набожные люди продолжали пріѣзжать молиться тутъ, а въ послѣдствіи въ немъ была основана богадѣльнія на 40 престарѣлыхъ вдовъ и дѣвицъ, и комната молодаго Турка освящена въ прекрасную домовую церковь, весь день открытую, куда со всѣхъ

концевъ Москвы приходять и донынѣ служить молебны передъ образомъ, писаннымъ на стѣнѣ. Что-то мирное, свѣтлое, чистое вѣеть тамъ на васъ, какъ свѣтла и чиста была душа юноши, освятившаго своимъ обраченіемъ и смертю это мѣсто. Богадѣлью зовутъ Барыковскою по имени основателя, а церковь—Спаса на Стоженкѣ. Другое пристанище для бѣдныхъ выросло и пріютилось противъ богадѣльни—домъ призрѣнія убогихъ во имя Христа-Спасителя. Такой свѣтлый слѣдъ оставилъ по себѣ этотъ ребенокъ, привезенный изъ чужой певѣрной стороны, принятый и приголубленный безграницю христіанской любовью Россіи. По истинѣ здѣсь показалъ Господь весь глубокій смыслъ Имъ нѣкогда сказанныхъ святыхъ словесъ: «Аще кто пріиметъ «отроча таково во имя Мое, пріемлетъ мя; а пріемляй мя, пріемлетъ «пославшаго мя Отца».

Всѣ эти разсказы относятся ко времени, предшествовавшему моему рожденію; но моральная атмосфера ихъ окружала мои первые годы, и память о моей дѣтской неразрывно связана съ ними. Изъ ежедневныхъ посѣтителей и друзей моихъ, самый милый, добрый и любезный былъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Онъ для меня былъ такое же предвѣчное существо, какъ отецъ и мать, какъ Дада и Гаврила, которые для меня не имѣли начала, которые, казалось, всегда существовали и никогда не были дѣтьми, ни даже очень молодыми людьми, а всегда большими, что-то въ родѣ первого человѣка, сотвореннаго совершеннолѣтнимъ. По нѣмецки мнѣ бы хотѣлось сказать о Жуковскомъ: ein Urfreund. И батюшка, и матушка всегда были такие веселые, когда приходили въ дѣтскую съ Жуковскимъ, а Жуковскій былъ такъ добръ, такъ ласковъ, шутливъ. Моя тетушка (сестра матери) Марья Андреевна Поликарпова, въ эти первые годы, помнится мнѣ красавицей, нарядною и гораздо важнѣе съ виду, нежели матушка *). Мужъ ея, еще лучше ея лицомъ, бывалъ часто, но не занимался мною, такъ что я помню, въ это время, только его красивую наружность.

Другое милое, доброе, любимое лицо моей дѣтской была Татьяна Васильевна Шлыкова, лучшій другъ матушки. Она была замѣчательная женщина, изъ крѣпостныхъ графа Шереметева, бывшая танцовщица на его домашнемъ театрѣ. Ея образованіе состояло только въ

*) Издатель „Русскаго Архива“ съ живымъ чувствомъ сердечной признательности вспоминаетъ Марью Андреевну Поликарпову; въ ея Старицкомъ помѣстии, селѣ Панагидинѣ, провелъ онъ вторую половину 1852 года и наслышался отъ нея многихъ рассказовъ про старину. Память ея уважена въ Тверскомъ краю. Со средоточенностью, чувство долга и собственного достоинства счастливо сочетались въ этой достойной женщинѣ съ дѣятельностью горячаго сердца. И. В.

Русской грамотѣ и танцахъ; по природный умъ, врождѣбное достоинство и благородство души, теплота и нѣжность сердца и пани народный здравый смыслъ сдѣлали изъ нея неоцѣннаго, вѣрнаго и доброго друга, истинно-пріятную собесѣдницу, даже въ кругу такихъ взыскательныхъ людей, какъ батюшкѣ, какъ Дацковъ, какъ Сѣверинъ. Жуковскій и Александръ Тургеневъ были ей короткими пріятелями, и до конца ея жизни батюшкѣ любилъ видаться и разговаривать съ нею. Она оставалась всю жизнь въ семействѣ графа Щереметева, какъ лучшій другъ, какъ вторая мать графа, любима, почитаема тремя поколѣніями, и скончалась недавно въ ихъ домѣ, въ ихъ семействѣ, оплаканная всѣми. Въ ней видѣлся типъ того, къ чему можетъ и должна придти масса народа нашего, когда она проникнется здравымъ элементарнымъ образованіемъ и будетъ болѣе обеспечена въ средствахъ къ жизни, безъ крайности нынѣшняго изнуриительнаго труда. Это, можетъ быть, мечта; но мнѣ кажется, что мечта осуществится, когда, съ умноженіемъ рукъ и машинъ, улучшится у насъ состояніе рабочаго класса, тогда какъ теперь женская работа въ нашемъ сельскомъ быту рѣшительно превышаетъ силы человѣческія и убиваетъ всѣ природныя способности ума и души.

Еще смутно помнится мнѣ женское лицо, не только оживленное, но лихорадочно-тревожное, съ быстрою мимикой жестовъ, съ пытливымъ взглядомъ, но безъ словъ. Это была нѣмая девушка, тоже другъ матушки, Алена Ивановна Михельсонъ, дочь известнаго генерала. Она вышла потомъ замужъ за барона Розена и умерла въ родахъ, когда мы были за границей; я помню только ея наружность. Она была одною изъ моихъ крестныхъ матерей; но другую, настоящую восприемницу мою, графиню Каменскую, я знала только по большому портрету, который всегда висѣлъ въ моей дѣтской, и по отзывамъ родителей моихъ и всѣхъ домашнихъ, которые такъ любили и почитали ее, что она казалась мнѣ какимъ-то важно-милостивымъ, прекраснымъ и благодѣтельнымъ, но не совсѣмъ земнымъ существомъ. Такъ она и осталась для меня миѳомъ или отдаленнымъ историческімъ лицомъ; я никогда не видала ея.

Здѣсь кончаются мои легенды, здѣсь граница баснословныхъ временъ, миѳологіи, золотаго вѣка моего первого дѣтства. Воспоминанія, болѣе вѣрныя, болѣе положительныя, хотя иногда менѣе глубокія, такъ сказать, менѣе яркія, застуپаютъ мѣсто чудесныхъ видѣній и сновъ. Перехожу къ исторіи, къ сознательному отчету не въ томъ собственно, что сама видѣла, но по крайней мѣрѣ въ томъ, что неоднократно слышала отъ моихъ родителей и твердо заучила съ ранней молодости. Какъ тяжело и пусто мнѣ становится въ настоящемъ, когдѣ бросишь взглядъ на этотъ длинный рядъ протекшихъ годовъ!

«Душа моя—элизиумъ твней», сказаъ нѣкогда Тютчевъ. И сколько, сколько ихъ возстаєтъ около меня и роится въ моей памяти, пока пишу я эти строки въ полночный часъ, при однообразномъ стукѣ этихъ дѣдовскихъ часовъ, пережившихъ столько поколѣній, столькихъ славныхъ, столькихъ сильныхъ, столькихъ доблестныхъ и прелестныхъ человѣческихъ лицъ! Тутъ и поэтический образъ Александры Андреевны Воейковой: молодая, прекрасная, съ нѣжно-глубокимъ взглядомъ ласковыхъ глазъ, съ легкими кудрями темно-русыхъ волосъ и черными бровями, съ болѣзnenнымъ, но свѣтлымъ видомъ всей ея фигуры, она осталась для меня такимъ неземнымъ видѣніемъ изъ временъ моего дѣтства, что долго я своего ангела-хранителя воображала съ ея чертами *). И возлѣ нея, вѣрные ей до гроба и по смерти, друзья ея: Жуковскій, съ своимъ добродушнымъ и веселымъ смѣхомъ, съ своими шутками и балагурствомъ, столь не похожими на меланхолію его стиховъ, и Перовскій (Василій Алексѣевичъ), съ его красivoю наружностью, густыми кудрявыми волосами и свѣтлыми смѣюющимися глазами, играющій съ нами какъ будто самъ ребенокъ, и пугающій моего маленькаго брата своею шляпою моряка безъ сultана, увѣряя, что онъ полицеyskий и при первомъ капризѣ уведетъ его на сѣзвскую. Умный и веселый, нѣжный и постоянный въ своихъ привязанностяхъ, онъ остался до конца вѣренъ всѣмъ, кого любилъ въ молодости. Но какъ измѣняется въ моихъ мысляхъ этотъ отрадный образъ изъ дней моего дѣтства, когда припоминаю послѣднѣe свиданіе съ нимъ въ Петергофѣ, въ 1857 году! Изнуренный, изсохшій весь, со впалыми потухшими глазами, еле переводящій дыханіе помощію креазота, съ выраженіемъ страданія и горя, раздирающимъ мнѣ душу: отъ прежняго Перовскаго нашего остались лишь густые выющіеся волосы и нѣжное, неизмѣнно-вѣрное сердце!—Вотъ, на своихъ низкихъ подвижныхъ креслахъ, слѣпой поэтъ Козловъ, на которого смотрѣли мы съ такимъ глубокимъ почтаніемъ, что умолкали въ самомъ разгарѣ нашихъ игръ, когда катился онъ въ креслахъ въ гостинную Александры Андреевны.

Тутъ и веселый кружокъ Арзамазскій. Красавецъ и баловень аристократическихъ собраній, острѣумный, ловкій, веселый, съ при-

*.) Отъ дольней жизни, какъ луна,
Манишь ты въ край иной,
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной,

сказалъ ей Баратинскій. Покойный графъ А. В. Адлербергъ, въ дѣтствѣ своемъ знавшій эту необыкновенную женщину († 1829), говоривалъ о ней не иначе какъ съ умиленіемъ. П. Б.

мъсью самодюбія фата, но высоко-образованый, истинно-просвѣщенный Уваровъ; и съ сановитою южною красотою своею, съ прекрасными чертами смуглого лица, высокаго роста и возвышенной дупи, любимый и цѣнныи по какому-то инстинкту даже нами, дѣтьми, Дашковъ, котораго, въ нашемъ наивномъ почитаніи и любви, мы прозвали *пальмовымъ деревомъ* (пальмою между людьми), какъ прозвали мы Сѣверина *подсолночникомъ* за его желтое и кисленькое лицо, чопорную фигуру, и особенно за измѣну (какъ мы думали) Каподистріи и обратное движение къ восходившему солнцу министерства, Нессельроду. Вотъ и черные, какъ смоль, раскаленные, какъ угли, глаза Вигеля, котораго раздражительность и негодование на меня въ моемъ дѣствѣ я узнала только по его запискамъ; помню же я его, какъ частаго посытителя, хорошаго пріятеля всѣхъ Арзамасцевъ и друга нашего дома, съ табакеркой въ рукахъ, которую онъ вертѣль, играя ею и особеннымъ манеромъ постукивая по ней, а взявши щепотку табаку, какъ будто клевалъ по ней пальцами, какъ птица клюетъ клювомъ, когда готовился сказать что-нибудь колкое или забавное. А тамъ широкое лицо и тучная фигура Александра Тургенева, тоже ежедневнаго гостя, но мало занимавшагося дѣтьми, на котораго мы съ изумлениемъ глядѣли за обѣдомъ, когда онъ глоталъ все, чтѣ находилось подъ рукою — и хлѣбъ съ солью, и бисквиты съ виномъ, и пирожки съ супомъ, и конфекты съ говядиной, и фрукты съ маيونезомъ, безъ всякаго разбора, безъ всякой послѣдовательности, какъ попадеть, было бы съѣстное; а послѣ обѣда поставлять предъ нимъ сухie фрукты, пастилу и т. п., и онъ опять все ѡесть, между прочимъ кедровые орѣхи цѣлонъ горстью за разъ, потомъ заснетъ на диванѣ, и спить, и даже храпить подъ шумъ разговора и веселаго смѣха друзей. Помню, какъ тсперь, голубой, набивнаго бархата, диванъ и овальный столъ изъ желтаго тополя въ гостиной нашей, гдѣ сиживалъ онъ. Эта способность глотать все, что ни попадеть, и спать потомъ такъ сладко дѣлали его въ моихъ глазахъ какимъ-то *boa constrictor* безвредной породы или добрымъ огромъ, который однако дѣтей не ѡсть, а не прочь даже подѣлиться съ ними конфектами. Мы его прозвали по французски *le gouraffe*, потому что этою пропастью или омутомъ мгновенно пожиралось все съѣстное.

А вотъ и Пушкинъ, съ своимъ веселымъ, заливающимся, ребяческимъ смѣхомъ, съ безпрестаннымъ фейерверкомъ остроумныхъ, блестательныхъ словъ и добродушныхъ шутокъ, а потомъ растерзанный, измученный, убитый жестокимъ легкомысліемъ пустыхъ, тупыхъ умниковъ салонныхъ, не постигшихъ ни нѣжности, ни гордости его огненной души.

Вотъ умный, живой, по-русски добродушный англоманъ—Кривцовъ, съ механическою деревянною ногою, которая всегда возбуждала во мнѣ любопытство и удивленіе: такъ мало замѣтно было легкое прихрамываніе въ его походкѣ, благодаря искусному механизму этой ноги.

Вотъ красивое, нѣжное, почти женственное лицо Бутенева, съ кроткимъ и умнымъ выраженіемъ глазъ и при нѣсколько-застѣнчивомъ обращеніи; а съ нимъ его хорошенькая смуглай жена (урожденная Шевичъ), съ ея большими юными глазами, ласковыми и томными, съ непринужденностю откровенаго и милаго обращенія, съ привѣтливою ласкою своею къ намъ, дѣтямъ.

Образъ Батюшкова неопределенно, туманно рисуется передо мною лишь однажды въ той же голубой гостиной; небольшаго росту, молодой, красивый человѣкъ, съ нѣжными чертами, мягкими волнистыми русыми волосами и съ страннымъ взглядомъ разбѣгающихся глазъ. Я проходила черезъ гостинную въ дѣтскую, и отецъ остановилъ меня у дверей, гдѣ онъ стоялъ съ Батюшковымъ, сказавъ ему: «Vous ne reconnairez pas la petite» *). Вѣроятно, онъ былъ долго въ отсутствіи, или насть не было въ Петербургѣ. Въ слѣдующее лѣто, на дачѣ, помню, что стали говорить у насть съ горестью, что онъ дѣлался такой странный, и стали бояться, не лишился бы онъ ума.

Вотъ, наконецъ, и душа всего отцовскаго круга, плѣнительный, почтенный образъ Карамзина, съ его статнымъ ростомъ, тонкими благородными чертами, плавною спокойною походкой и развѣвающимися на ходу жидкими сѣдыми волосами. Въ немъ рисуется предо мною пониѣ какая-то особенная гармонія въ выраженіи, въ голосѣ, въ движеніяхъ, во всей наружности; она поражала даже 12-лѣтнюю дѣвочку, не понимавшую въ немъ внутренней гармоніи всѣхъ мыслей и чувствъ его нравственной природы.

А тамъ, въ аллеяхъ Эмса, поэтическая тѣнь Каподистрии, съ глубокимъ проницающимъ взглядомъ черныхъ глазъ, съ грустною рѣшимостью на высокомъ лбу, выраженіе котораго казалось еще рѣшительнѣе и грустнѣе отъ противоположности черныхъ густыхъ бровей съ сѣдиною волосъ.

Въ аллеяхъ Царскосельскаго сада вспоминаю другое историческое лицо — князя Коцубея, во всей привлекательности стариннаго тона, съ мягкимъ достоинствомъ или даже важностю высшаго круга Французскаго, съ привѣтливостью улыбки и приема, съ его аристократическою красотой, устоявшою противъ разрушительной силы

*.) Вы не узнаете малютку.

времени лѣтъ. Такого же свойства была красота и князя Михаила Семеновича Воронцова; но въ немъ выражалось больше тонкости и меньшее прямодушія, больше ума и меньшее привлекательности. Въ Кочубеѣ сквозь Французскій лоскъ проглядывало Русское добродушие *); Воронцовъ смотрѣлъ истымъ лордомъ, безъ всякой примѣси родной безопасности и *laisser-aller*.—Тутъ же вспоминается и сутуловатый, черноволосый, всегда раскраснѣвшійся, всегда кипѣвшій и горячивающійся, но всегда честный и добрый Дибичъ — *генераль-самоваръ*, какъ прозвали его солдаты. И тутъ же его счастливый соперникъ, товарищъ молодости батюшки, Паскевичъ, въ юности баловень природы и двора, въ зрѣлыхъ лѣтахъ баловень Фортуны; красавецъ собой, талантливый предводитель, человѣкъ въ сущности добрый, горячо любившій отечество и славу, но испорченный блестательностью своихъ успѣховъ, жаловавшійся отцу моему на Дунай въ 1811 году на свою злую судьбу, на несправедливость людей и рока, потому что въ 30 лѣтъ онъ не былъ еще главнокомандующимъ, и опять упрекавшій судьбу и свое злосчастіе, въ предсмертной своей болѣзни, восклицая: «Вы думаете, скиръ меня съѣдается? Нѣть, заѣла меня Силистрія; она тутъ сидить, гложетъ меня!...» Въ этихъ словахъ слышатся и мученія физической, и безсознательные упреки совѣсти человѣка-гражданина, горюющаго о Россіи и о военной славѣ ея и о своей!

И сколько, сколько еще тѣней, безвременно покинувшихъ землю, когда жизнь сулила такъ много радостей, когда такъ много обѣщали они сами внести въ нее и добра, и славного, и полезнаго!

Вотъ Лермонтовъ, съ страннымъ смѣшніемъ самолюбія не совсѣмъ ловкаго свѣтскаго человѣка и скромности даровитаго поэта, неумолимо строгій въ оцѣнкѣ своихъ стиховъ, взыскательный до крайности къ собственному таланту и гордый весьма посредственными успѣхами въ гостинныхъ. Они скорѣбы надѣли ему, если бы не сгубили безвременно тогда именно, когда возрасталъ и зреѣлъ его высокій поэтическій даръ.—Вотъ Оскаръ Раденъ, веселостью и колкостью ума, основательностью образования, настойчивостію трудолюбія, честностію и теплотою чувства, блескомъ дарованій и даже некрасивой наружностью столь похожій на своего послѣдняго начальника, отца

*) Это Русское добродушие было въ немъ и въ самой блестательной его молодости, въ эпоху огромнаго вліянія его на дѣла, во время триумвирата всесильныхъ друзей и совѣтниковъ Александра Павловича. Тетушка моя Марья Андреевна, еще ребенкомъ, вѣжала съ своей матерью, княгиней Щербатовой, къ Безбородкѣ на его дачу, и ее съ другими дѣтьми качали на качеляхъ князь Кочубей, Чарторыжскій и Новосильцевъ. Кочубей въ особенности мастерски качалъ, такъ что дѣвочки радовались его появлению, когда онъ игралъ въ саду.

моего, который видѣлъ въ немъ будущаго преемника и государствен-
наго человѣка.—Воть Павель Хрущовъ, соединившій въ себѣ востор-
женность юности съ твердымъ терпѣniемъ позднихъ лѣтъ, спокойствіе
зрѣлаго разума съ пылкостью души, порывающейся ко всему вели-
кому и прекрасному, даровитый, трудолюбивый, любившій Россію
выше всего земнаго. Казалось, готовился въ немъ дѣятель для госу-
дарства и народа; лицомъ и душою онъ напоминалъ Каподистрію и
думалъ идти по одной съ нимъ дипломатической дорогѣ, но не до-
жилъ и до 25 лѣтъ!

Воть и еще благородный и умный, чистый и честный другъ буду-
щаго царя — Іосифъ Віельгорскій, который тоже сошелъ въ могилу
нетронутый нравственною заразой свѣтской среды. Она томила его
молодую душу, и онъ убѣгалъ отъ нея въ тѣсный кругъ своей или
самой царской семьи и въ учебную комнату, гдѣ слушалъ съ Вели-
кимъ Княземъ мирныя и правдивыя рѣчи и уроки, согрѣтые любящею
душою и спокойнымъ духомъ Жуковскаго и честнымъ прямодушіемъ
Мердера и Плетнева.

Воть и недавно исчезнувшій, благородный, честный, свѣтлый,
хочется сказать, благочестивый кружокъ Московскій: Хомяковъ, съ
его многостороннимъ образованіемъ, съ истиннымъ даромъ язы-
ковъ, съ изумительнымъ блескомъ и глубиной ума, съ добродушною,
почти дѣтскою веселостью и свѣтлою возвышенностью души; Констан-
тинъ Аксаковъ, съ его цѣльною, непреклонною и вмѣстѣ нѣжною
натурой, честностью и чистотою христіанна первыхъ вѣковъ; Иванъ
Васильевичъ Кирѣевскій, съ задумчивымъ и пытливымъ взглядомъ, съ
какою-то меланхоліей человѣка, живущаго въ отвлеченномъ созерца-
ніи духовнаго міра. Какъ-то свѣтла становится грусть воспоминанія
о нихъ: такъ глубоко проникнуты были они христіанскими чувствами,
христіанскою истиной, что и скорбь по нихъ возвышается далеко
выше житейской печали, и надъ этими могилами самыя слезы безъ
горечи. Останавливаешься надъ ними, какъ на мѣстѣ покоя на пути
въ ту горюю Галилею, гдѣ опередили они насъ и «варяютъ ны» съ
самимъ Спасителемъ.

О, много, много ихъ, этихъ прекрасныхъ тѣней тѣснится тутъ
передъ мысленными очами моими, и всѣхъ не пересчитать!...

А надъ всею этою толпою отшедшихъ высится величественное
и трагическое лицо Императора, восшедшаго на престолъ среди вол-
нешій бури, и среди ломки и потрясей бури сошедшаго въ могилу.
Какъ ясно видится онъ мнѣ! Воть онъ во всемъ блескѣ величія и
красоты, во всей силѣ молодости, со всею бодростію духа для совер-
шенія великихъ начинаній, вѣнчанный герой моего юнаго воображенія,

покоритель невѣрныхъ, освободитель Сербовъ, возсоздатель Гречії! Потомъ... измученный, покоренный исполнікою войною со внѣшнею враждой и предательствомъ, съ внутреннею разоблаченною ложью, и наконецъ убитый горемъ, на смертномъ одрѣ, во всей красѣ конечнаго покоя и отдыха отъ невыносимой, разбившей сердце, сломившей всѣ силы душевныя и тѣлесныя, неровной борьбы, непредвидѣнной тогда, невполнѣ понятой и нынѣ.

Зимній дворецъ. Февраль 1867 года.

II.

О происхожденіи нашего рода выпишу то, что находится въ 1-мъ томѣ біографии покойнаго отца моего *):

«По фамильнымъ преданіямъ Блудовы ведутъ родъ свой отъ Иве-щая (во св. крещеніи Іоны) Блудта, бывшаго воеводою въ Кіевѣ, въ 981 году и умертвившаго великаго князя Ярополка. Блудъ, впослѣдствіи, кровію своею омыть преступленіе: служа вѣрно Россіи и великому князю Ярославу, онъ сложилъ голову въ битвѣ съ королемъ Польскимъ, Болеславомъ Храбрымъ. О сынѣ его, Горденѣ Блудовичѣ, упоминается въ древнихъ нашихъ пѣсняхъ между богатырями великаго князя Владимира. Съ тѣхъ поръ до Татарскаго разгрома потомки Блудта служили великимъ князьямъ Кіевскимъ. Когда же южная Россія присоединилась къ Литвѣ, родъ Блудовыхъ или Блудтичей раздѣлился на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ одна служила князьямъ Моравскимъ, другая перешла въ Польшу, а главная оставалась въ Малороссіи, сражалась подъ Гедеминомъ противъ Татаръ и подъ Владиславомъ II-мъ Ягайловичемъ (королемъ Венгерскимъ и Польскимъ) противъ Турокъ, въ битвѣ подъ Варною, гдѣ Блудовы стяжали и гербъ свой, извѣстный подъ именемъ Топачъ».

«Отсюда преданія переходятъ въ историческую генеалогію, основанную на документахъ. Вскорѣ по смерти Владислава, гоненіе на Русскіе дворянскіе роды, оставшіеся вѣрными православію, заставило Феодора Блудта (или уже Блудова), со многими другими, покинуть Кіевъ; онъ перешелъ въ подданство великихъ князей Московскихъ, съ согласіемъ Казимира IV-го и Александра Литовскаго, какъ упоминается въ трактатахъ великаго князя Василія Васильевича III. Блудовы основались въ своей Смоленской вотчинѣ, около Вязьмы, гдѣ и до сихъ поръ владѣютъ небольшимъ имѣніемъ. Внукъ Феодора, Борисъ, былъ посломъ Іоанна Васильевича при Крымскомъ ханѣ Сайдетѣ-Гиреѣ. Игнатій Блудовъ служилъ товарищемъ Андрея Курбскаго, ходилъ подъ Казань и въ Ливонію, бился съ Крымскими Татарами и съ войскомъ

^{*)} Т. е. въ книгѣ Е. П. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время“. Спб. 1866. П. Б.

Стефана Баторія подъ Смоленскомъ. Назарій Блудовъ, прозванный Беркутомъ, со своими Вязьмичами, изъ первыхъ отвѣчалъ на призывъ Троицкаго архимандрита Дюнисія, выступивъ съ ополченіемъ къ лавръ».

«Съ тѣхъ поръ исторія не упоминаетъ о предкахъ нашихъ. Они сошли со сцены вмѣсть съ народными дѣятелями великой эпохи, и тихо жили въ своихъ вотчинахъ, послуживъ по нѣсколько лѣтъ отечеству, какъ бы для успокоенія совѣсти. Но преданія о борьбѣ, страданіяхъ и подвигахъ предковъ, для охраненія цѣлостности Россіи и православной вѣры, хранились въ родѣ Блудовыхъ, переходя изъ поколѣнія къ поколѣнію».

Матушка моя была урожд. княжна Щербатова, и ея происхожденіе отъ князей Черниговскихъ съ малолѣтства пріучило насъ къ особенному почитанію святаго князя Михаила, замученнаго въ ордѣ за Христову вѣру, котораго моши находятся въ Архангельскомъ соборѣ, въ Кремлѣ. Помню, съ какимъ особыеннымъ чувствомъ относилась я къ исторіи первыхъ князей Русскихъ, какъ родственно я сочувствовала прабабкѣ своей св. Ольгѣ, Владимиру Равноапостольному, и особенно Святославу Ольговичу и Игорю Всеволодовичу и полку его; съ какимъ интересомъ я слѣдила за путаницей происшествій въ эпоху княжескихъ междуусобій, когда стала читать Русскую Исторію. Конечно, этимъ семейнымъ преданіямъ должно приписать то чутье, которое ребенку указывало на поэтическую сторону этой части исторіи Карамзина, столь мало цѣнную вообще читателями. Сколько сладостныхъ слезъ пролила я надъ прелестнымъ эпизодомъ про подвиги и дружбу Святослава Ольговича и сына Юрія Долгорукаго, и какъ напоминаль онъ мнѣ дружбу Давида и Іонаѳана въ Ветхомъ Завѣтѣ! Отъ матушки тоже часто слышали мы о необыкновенномъ происшествіи, случившемся съ ея дѣдомъ княземъ Николаемъ Петровичемъ Щербатовымъ и, какъ часто, стоя у кивота съ образами въ ея спальнѣ, я молилась одна или рассказывала моему другу, Катѣ Воейковой, про явленный образъ Казанской Божіей Матери, перешедшій къ намъ отъ этого прадѣда.

Въ родословной своей дѣдъ мой написалъ, между прочимъ о своемъ дѣдѣ такъ: «Князь Петръ Григорьевичъ въ 1671 году пожалованъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ стряпчіе; въ 1678 году Апрѣля 3-го числа царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ пожалованъ въ стольники; въ 1679 году былъ въ Киевскомъ походѣ, для обороны города Киева и другихъ Малороссійскихъ городовъ, въ Сѣвскѣ и Путивлѣ, въ полку боярина и воеводы князя Михаила Алексѣевича Черкасскаго съ товарищами; въ 1683, 1689 и 1690 годахъ былъ въ Троицкихъ походахъ съ государями (царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣев.) ради

5*

бывшихъ тогда беспокойствъ въ Москвѣ... Скончался въ 1704 году». И такъ, князь Петръ Григорьевичъ Щербатовъ, стольникъ царскій, пережившій смутное время правленія царевны Софіи, скончался съ кондомъ старыхъ порядковъ Россіи, и сынъ его, князь Николай Петровичъ, уже начинаетъ новую службу, по новому порядку вещей, которому онъ былъ душевно преданъ, и значится въ родословной: «По имянному Его Величества царя Петра Алексѣевича указу записанъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ, и тогожъ году (а число года пропущено), пожалованъ сержантомъ; тогожъ году пожалованъ прaporщикомъ и неотлучно, въ продолженіе всей Шведской войны, находился при Его Царскомъ Величествѣ, какъ на морѣ на галерахъ, такъ и на сухомъ пути; а въ 1711 году, за храбрые поступки, особеннымъ Его Величества указомъ, въ тотъ же Преображенскій полкъ пожалованъ поручикомъ. По кончинѣ же Петра Великаго, не желая болѣе служить въ гвардіи, выпущенъ въ премьер-маиоры въ драгунскій Роповъ полкъ, и того же году взялъ свою отставку».

Всей душою преданный великому человѣку, «кѣмъ наша двинулась земля», упоенный славою славнаго времени, ослѣпленный блескомъ этого новаго міра, открывавшагося передъ изумленнымъ взоромъ тогдашней молодежи, во всемъ обольстительномъ очарованіи науки, силы и гордости человѣческой, во всей распущенности нравовъ и во всемъ разгуль ума, прадѣдъ мой вполнѣ увлекся духомъ времени или, лучше сказать, духомъ своего полу-военнаго, полу-придворнаго кружка, и унесся, можетъ быть, далѣе другихъ въ открытую пучину вольнодумства, почти до отрицанія Всемогущаго Бога. Его портретъ остался у насъ. Лицо смуглое и черные, умные глаза, стриженные по-европейски волосы, бритая борода, небольшіе усы, костюмъ Нѣмецкій,— придаютъ ему какое-то сходство съ самимъ Петромъ I-мъ; но нѣть открытаго и отважнаго взгляда Петра. Тонкое, слегка насыщливо выраженіе веселыхъ, вѣсколько прищуренныхъ глазъ, и улыбка (далеко неидеальная) довольно грубаго рта, у человѣка, насладившагося своею молодостью безъ слишкомъ большой разборчивости идержанности, носятъ отпечатокъ скептицизма и страстности. А все-таки есть что-то привлекательное въ этомъ лицѣ:—это человѣкъ недюжинный, этотъ человѣкъ участвовалъ въ оргіяхъ Петра и въ пирушкихъ Феофана Прокоповича; но этотъ человѣкъ находился тоже неотлучно при Петре во всю Шведскую войну, и на морѣ на галерахъ, и на сухомъ пути, въ битвѣ подъ Полтавой; и по кончинѣ Петра не покинулъ болѣе служить, оплакивая, въ страстномъ порывѣ горести, полководца и царя, которому поклонялся и котораго любилъ, какъ генія и героя. Въ какое время именно, не знаю,—въ правленіе ли Меншикова, или

Долгоруковыхъ, князь Николай Петровичъ жилъ спокойно въ отставкѣ въ своемъ семейномъ кругу (онъ былъ женатъ на Шереметевой), какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, его арестовали и посадили въ Петропавловскую крѣпость. Онъ не имѣлъ ничего на совѣсти и не могъ понять, какую на него взвели клевету; ему, разумѣется, ничего не объявляли. Это впрочемъ было обыкновеніе того времени; но обыкновенными тоже вещами считались тогда пытка и казнь смертная, во всей разнообразности жестокаго воображенія и жестокихъ нравовъ тогдашнихъ. И вотъ, оторванный отъ жены и дѣтей, отъ удобствъ своего барскаго дома, князь Николай Петровичъ, безвинно обвиненный, томился въ безмолвномъ уединеніи каземата, въ безвѣстности равно о близкихъ своихъ и о недругахъ, погубившихъ его, и въ тревожномъ ожиданіи мученій и казни, но не искалъ утѣшенія въ забытой имъ, утраченой вѣрѣ, опираясь лишь на горделивое сознаніе своей юридической невинности. Долго, оставленный всѣми, безъ занятія, безъ книгъ, безъ сношеній съ людьми, упорно крѣпился онъ, какъ философъ и стоикъ, противъ случайностей жизни и противъ ко-варства человѣческаго, гордо вооружаясь безплоднымъ терпѣніемъ, безнадежнымъ преарѣніемъ къ ударамъ слѣпой фортуны—классической богини, вычитанной имъ въ виршахъ и прозѣ подражателей Эллинскихъ поэтовъ.

Время шло тяжело и медленно, и никакой перемѣны не приносило за собой въ положеніи мнимаго государственнаго преступника. Однажды, послѣ длиннаго, бесконечнаго дня, проведеннаго въ размыщленіяхъ и догадкахъ о вѣроятно роковой развязкѣ своей судьбы, князь заснулъ. Уже давно перестали являться ему, даже во снѣ, прежнія свѣтлые картины и лица; уже давно самыя сновидѣнія его заключались въ тѣсной рамкѣ каземата; даже спящаго воображеніе уже не имѣло силы унести его изъ пльна, возвести отъ тли. Такъ и на этотъ разъ, во снѣ князь Николай Петровичъ увидѣлъ себя къ своемъ тѣсномъ сыромъ, тюремномъ жильѣ; но мракъ темницы рѣдѣлъ, какъ рѣдѣеть темь въ ночи, передъ разсвѣтомъ, гораздо прежде тѣмъ займется заря,—и душная атмосфера, какъ будто легкая струя воздуха, тянула сверху, и ему стало свободнѣе дышать. Смутное, тревожное предчувствіе охватило его, онъ ожидалъ чего-то или кого-то, и волненіе давно забытой надежды овладѣло имъ. Дверь отворилась безъ обычнаго скрипа, безъ раздражающаго звука ключа и замковъ, и вмѣсто единственнаго посѣтителя его; очереднаго караульнаго, предсталъ предъ нимъ «нѣкій древній, благолѣпный мужъ». Лицо его сияло такой чистой, жалостливой любовью; такой тихій свѣтъ и такая атмосфера покоя окружали его, что спящій не могъ себѣ дать отчета въ подробностяхъ

явленія, черты, одежда, все ускользало въ неопределенноти, передъ свѣтозарнымъ выраженіемъ любви, кротости, жалости на этомъ лицѣ. Въ радостномъ изумлениі смотрѣль на него князь, и безмолвствовалъ; и вотъ послышался тихій, но сладко-внятный шепотъ: «Ты не спиши, князь Николай», сказалъ гармонической голосъ; «ты не спиши, но очи твои держатся, и ты не видишь ни своего положенія, ни ожидающей тебя судьбы. Судьба твоя въ твоихъ рукахъ. Ты напрасно ищешь причины твоего заточенія въ злобѣ или прискакахъ враговъ. Люди здѣсь слѣпое орудіе; твоя печаль не къ смерти, не къ смерти; а къ славѣ Божіей. Князь Николай, забылъ ты Бога! Обратись, прибѣгни къ молитвѣ! И Тотъ, Кто разрѣшалъ узы святыхъ Апостоловъ и отверзъ темницу ихъ, Тотъ выведетъ и тебя отсюда, и возвратить тебя твоей сѣтующей, молящейся семье». — Князь проснулся, вскочилъ съ постели; все было темно, пусто и сырьо въ казематѣ по прежнему. Не было слѣдовъ видѣнія, но что-то необычное зашевелилось въ его душѣ; смутныя воспоминанія дѣтства и сладкихъ минутъ довѣрчиваго умиленія, когда въ первое число мѣсяца служили дѣма всенощную, или когда освящали воду наканунѣ Крещенія Господня, или когда стоялъ онъ полусонный, но радостный подлѣ матери въ ихъ приходѣ со свѣчкою и вербою въ рукѣ.... Прочь это ребячество подумалъ онъ. Неужели я такъ слабъ и опустился въ этой темнотѣ и скорби, что стану вѣрить снамъ и молиться на иконы святыхъ? А порадовалась бы этому малодушю моя бѣдная княгиня Анна Васильевна: она такъ часто уговаривала меня хоть «Отче Нашъ» прощать съ нею, когда она усердно клала земные поклоны передъ киотомъ своимъ, со всею набожностью своего Шереметевскаго рода.

Такъ отшучивался отъ впечатлѣній сна князь Николай Петровичъ; но эти впечатлѣнія его преслѣдовали весь день и, вспоминая неземную красоту явившагося ему старца, онъ невольно искалъ сходства съ знакомыми ликами, изображенными на иконахъ па стѣнахъ Московскихъ церквей. Однако гордость и упрямство взяли верхъ, и не прочелъ онъ ни одной молитвы, даже не сказалъ про себя со вздохомъ «Господи помилуй!»

Опять потянулись долгіе дни, и ничего не случилось, что бы могло прервать однообразное томленіе тюремной жизни. Уже впечатлѣніе необыкновенного сна слаживалось изъ памяти князя, вполнѣ возвратившагося къ своему безутѣшному стоицизму, какъ вдругъ опять повторился тотъ же сонъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ; только сіяющій ликъ старца какъ бы подернулся грустью, и онъ съ тихимъ упрекомъ выговорилъ князю за его невѣrie.

Князь Николай Петровичъ былъ потрясенъ. Такъ много времени прошло послѣ первого сновидѣнія; воспоминаніе и даже впечатлѣніе этого сна такъ изгладились изъ его памяти, что явленіе нельзя было приписать его собственному воображенію. Неужели тутъ есть что-нибудь сверхъестественное? На этотъ разъ онъ былъ вполнѣ озабоченъ, и мысль его была безпрестанно занята видѣніемъ; но покориться, смирить себя и свою гордость, заплакать и молиться онъ не хотѣлъ и упрамо крѣпился. Но онъ уже не зналъ душевнаго покоя, и черезъ нѣсколько ночей опять увидѣлъ чудный сонъ. Лучезарный старецъ предсталъ попрежнему предъ нимъ, но строгость лица его поразила князя. «Очи твои держатся и сердце окаменѣло, князь Николай», сказалъ онъ, «а время идетъ, срокъ близокъ: кайся и молись! Ты мнѣ не вѣришь, ты не вѣришь въ Пославшаго меня; повѣришь, можетъ быть, вещественному доказательству истины моихъ словъ. Когда поведутъ тебя на ежедневную прогулку въ равелинъ, идучи по коридору, взгляни на третью дверь отъ твоего каземата; надъ нею повѣшена икона. Попроси офицера снять ее и дать тебѣ, это образъ Казанской Божіей Матери. Возьми его, молись, проси заступленія Пречистой Дѣвы Богоматери. И опять говорю: вѣруй, проси, и просище-му дастся; будешь освобожденъ и возвращенъ семейству, которое молится за тебя. Это мое послѣднее посыщеніе; меня ты не увидишь болѣе. Въ твоихъ рукахъ твоя судьба; выбирай: позорная смерть, или свобода и долгая, мирная жизнь!»

Сновидѣніе исчезло, и съ пробужденіемъ закипѣли мысли и чувства у князя Николая Петровича. Невольно, неодолимо вливалась вѣра въ душу его; и какъ ни боролся съ самимъ собою, надежда и молитва воскресали въ его сердцѣ, хотя гордость не допускала еще словъ на его уста. День, другой, онъ шелъ по коридору, и только досчитывалъ до третьей двери, но крѣпился и не поднималъ глазъ вверхъ. Однако не утерпѣлъ, и одинъ разъ рѣшился посмотреть. Какой-то маленький, темный четвероугольникъ точно чернѣлъ надъ дверью; но князь не погрѣшилъ противъ дисциплины: ничего не спросилъ у дежурнаго офицера; однако этотъ четвероугольникъ тянулся и манилъ его къ себѣ ежедневно, а по ночамъ, догадки о томъ, точно-ли это изображеніе святое, и именно Божіей Матери, какъ было сказано ему во снѣ, мѣшали ему спать. Наконецъ онъ рѣшился попросить снять этотъ образъ и позволить ему взять его къ себѣ. Дежурный офицеръ позволилъ; и когда, оставшись одинъ въ своемъ казематѣ, онъ сталъ разбирать и чистить образокъ, вышло, что это точно изображеніе, называемое Казанской Божіей Матерью. И это *вещественное доказательство* истины словъ, слышанныхъ во снѣ, или, скажемъ лучше, святое

дѣйствіе благодати неистощимой любви Бога къ грѣшному человѣчеству, согрѣло сердце князя Николая Петровича и открыло ему глаза. Увѣровалъ онъ, какъ Єома, паль ницъ, и со словами «Господь мой и Богъ мой!», полилась, изъ глубины пробужденной души его, горячая мольба и благодареніе; и миръ, и покой, и свѣтъ разлились въ упрямомъ, смущенному умѣ. Чрезъ нѣсколько дней пришелъ приказъ возвратить его на волю; такъ же безъ всякихъ объясненій послѣдовало его освобожденіе, какъ прежде, послѣдовалъ его арестъ.

Князь Николай Петровичъ взялъ съ собою образъ, сдѣлалъ на него золотой окладъ, и передъ кивотомъ, куда поставилъ его, онъ читалъ съ своею княгиней «Отче нашъ» съ такою же вѣрою и усердіемъ какъ сама Анна Васильевна, дочь благочестиваго Шереметевскаго дома. И конечно, отецъ мой и мать съ неменьшей теплотою и чистотою вѣры молились передъ этой фамильной святыней, которою дѣдъ мой благословилъ свою любимую дочь, Анну Андреевну, мою мать.

Эта княгиня Анна Васильевна была дочь Василия Петровича Шереметева, роднаго брата фельдмаршала, первого графа того имени. Князь Николай Петровичъ Щербатовъ не только былъ близокъ къ Шереметевымъ по родству, но и по образу мыслей и политическому направлению. Ни тотъ, ни другой не были приневолены Петромъ принять новые порядки: они сами, по доброй волѣ, по убѣженію и увлеченію, совершенно принадлежали къ сторонникамъ Европейскаго просвѣщенія и всей душой предались завѣтнымъ мыслямъ Петра. Что они «смѣло сѣяли просвѣщеніе» и между женскими лицами своего семейства, доказываютъ Записки дочери фельдмаршала, кн. Натальи Борисовны Долгоруковой, писанныя такъ непринужденно, просто и хорошо, что дай Богъ и въ наши дни такимъ Русскимъ слогомъ писать. Къ этой привлекательной и достойной удивленія героини супружеской вѣрности и любви братъ ея графъ Петръ Борисовичъ относился нехорошо, можно сказать, жестоко. Когда Наталью Борисовну просватали, ему было только 17 лѣтъ; отказать всесильному временщику, который умѣлъ понравиться сестрѣ, не было никакаго повода, и даже было бы небезопасно. Но политическая страсти были въполномъ разгарѣ, и члены Верховнаго Совѣта, равно какъ и самъ блестательный, высокомѣрный князь Долгоруковъ, были вообще ненавистны. Долгоруковы и Голицыны уже замышляли олигархію, а Шереметеву не полагали дать въ ней участія. Онъ слѣдовательно не былъ связанъ ничѣмъ, а самый планъ ихъ былъ въ высшей степени противенъ всему дворянству въ Россіи, какъ батюшка очень часто смыкалъ отъ старожиловъ въ дѣтствѣ. Смерть Петра II и паденіе Долгоруковыхъ еще умножило нерасположеніе Петра Борисовича противъ этого брака, и онъ упо-

требилъ всѣ усилия, чтобы удержать сестру и спасти ее отъ грозившаго несчастія. Но она страстно любила жениха и не хотѣла измѣнить данному слову въ минуту недоумѣнія, колебанія, когда не знали еще, какъ примется предполагаемый переворотъ. Это благородное упраимство, кажется, поссорило ее съ братомъ; она сама жалуется на своихъ родственниковъ въ своихъ Запискахъ, и я никогда о ней не слыхала въ дѣтствѣ, какъ о другихъ членахъ этого близкаго намъ семейства, и только въ послѣдствіи, когда уже выучилась читать, узнала трогательную повѣсть ея жизни и стала гордиться мыслью, что она была родственницей нашихъ предковъ. Замѣчательно, до какой степени были ненавистны большинству дворянства всякия попытки къ олигархіи, всякая аристократическая выходки въ Россіи; а между тѣмъ, онѣ-то именно и повторялись у насъ—боярами - перелѣтами, принявшиими Польскія воззрѣнія во время избрания Михаила Феодоровича, равно какъ и полуобразованными, гладко отшлифованными на Европейскій ладъ князьями верховными, мечтавшими о Шведскихъ порядкахъ при восшествії Анны Ioannovны, и наконецъ не очень высоко образованными, но весьма благовоспитанными господами нашихъ дней, мечтающими объ Англійской Камерѣ Перовъ. Даже наши малообразованные и совсѣмъ необтесанные приверженцы молодой Россіи, поклонявшиеся Парижской коммунѣ (за двѣ недѣли до ея паденія), за ея требованіе, чтобы право голосованія оставалось въ рукахъ городовъ и лишило бы голоса этихъ грубыхъ, невѣжественныхъ крестьянъ, даже часто великие реформаторы de l'International e мѣтть въ олигархію, въ правленіе меньшинства, аристократіи интеллигентіи, разума. Какъ хороша интеллигенція, увидѣли мы въ Парижѣ; какъ основателъ разумъ, свидѣтельствуютъ посмертныя Записки Герцена, такъ забавно разоблачающія всю несостоятельность нашихъ эмигрантовъ. И на всѣ эти попытки большинство дворянъ отвѣчало противодѣйствіемъ; а народъ—упрямствомъ твердаю бездѣйствія или поучительной насыщеною, какъ случилось еще недавно, когда, обратясь къ работникамъ у какого-то строящагося дома въ Петербургѣ, одинъ изъ шумѣвшихъ на улицахъ студентовъ 1862 года сказалъ:—смотрите, нась ведутъ въ крѣпость! и получилъ въ отвѣтъ: Туда вамъ и дорога!—Порою, приходилось и похуже нашей аристократіи, когда случится, народъ опьянѣтъ, такъ сказать, теряетъ свое отличительное Русское свойство—здравый разсудокъ. Такъ было при Стенькѣ Развинѣ, при Пугачевѣ, при Желѣзнякѣ. Вообще, масса дворянства и весь простой народъ понимали доселъ, что всѣ эти предполаемыя нововведенія не идутъ къ нашему строю жизни, и что многое государей (даже порядочныхъ) хуже одного даже дурнаго . Какъ будто столѣтія междо-

усобій и бязпорядковъ и близкая гибель земли въ междуцарствіе оставили такие глубокіе слѣды въ исторіи нашей, что безсознательно проникнуть ими весь Русскій людъ и ставить единство власти также высоко, какъ единство земли. Дай Богъ, чтобы умѣли осмыслить въ насъ эти убѣжденія наши учители и правители, и дали Россіи терпѣливо дойти до того нового строя политической жизни, до которого не могутъ достигнуть чужие народы ни кровю свою, ни своею цивилизацией; и въ его же основу ляжетъ та вѣра, коей главное учение состоить въ божественныхъ словахъ: «Любите другъ друга!» Но для такого воспитанія Россіи нужно было бы новое министерство, которое д'Ацелю такъ мѣтко называетъ: *Ministerio dell'Esempio*, «министерство хорошаго примѣра»; а возможно ли составить хоть департаментъ такой при министерствѣ просвѣщенія или внутреннихъ дѣлъ? Увы, тяжелый грѣхъ беремъ на себя мы, всѣ и каждый, считающіе себя честными людьми и подающіе такой бѣдственный примѣръ нашей распущенностью, лѣнью, непостоянствомъ и легкомысліемъ!

Господи! На какие примѣры успѣла наглядѣться Россія и съ нею прадѣль мой, дожившій до временъ Елизаветы. Послѣ величія, часто запятнанного кровью и развратомъ, но все-таки истиннаго величія Петра,—пустой развратъ Екатерины I, грабежъ Меншикова, однако хоть иѣкоторые отблески прошлаго царствованія, хоть иѣкоторая послѣдовательность въ политическомъ направленіи, и исполненіе хоть одного изъ плановъ Петра основаніемъ Академіи Наукъ. Потомъ, за кратковременнымъ царствованіемъ Петра II, придворные перевороты, убивающіе всѣ надежды благоразумныхъ послѣдователей Петра Великаго, и наконецъ, сплошная грязь и кровь Биронщины! Ужъ это было самое тяжкое испытаніе для тѣхъ, которые предпочитали одного государя многочисленной олигархіи. Въ это тяжелое время, князь Николай Петровичъ Щербатовъ, бывшій вторично на службѣ комендантомъ Кронштадта и вышедшій опять изъ службы, оставилъ навсегда Петербургъ. Жизнь въ новомъ городѣ Петра, при основаніи котораго онъ находился, на возрастаніи котораго такія возлагалъ надежды и предавался такимъ золотымъ мечтамъ славы и добра, жизнь въ этомъ раззвѣтающемъ городѣ сдѣлалась ему невыносимою. Онъ вернулся на жительство въ Москву. Фельдмаршала графа Шереметева уже давно не было въ живыхъ; сынъ его жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, въ домѣ на Дворцовой набережной (купленномъ потомъ въ удѣлъ, теперь же перестроенномъ для дворца великаго князя Михаила Николаевича). Нынѣшній домъ Шереметева, со своимъ большимъ дворомъ и садомъ, былъ тогда загороднымъ домомъ. Фонтанка и находящіеся за нею кварталы тогда были виѣ черты города и счи-

тались дачами. Въ послѣдствіи, дѣдъ мой купилъ у Апраксина домъ въ Семеновскомъ полку (нынѣ купца Масленникова), который также считался загороднымъ; тамъ жилъ Апраксинъ, когда былъ сосланъ, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицу, и туда всѣ его друзья и родственники съѣзжались, чтобы веселиться и пировать съ нимъ. Ссылка не всегда бывала въ Березовъ. Впрочемъ я не увѣрена, что онъ здѣсь именно жилъ и съѣзжались къ нему, или въ другомъ его домѣ за нѣсколько верстъ у «Четырехъ Рукъ». Только знаю, что дѣдъ купилъ домъ у Апраксина, а при императорѣ Павлѣ домъ этотъ уже вошелъ въ черту города.

Но возвращаюсь къ графу Петру Борисовичу Шереметеву. Графъ Петръ Борисовичъ былъ вообще добрый человѣкъ, нѣжный и родственникъ, какъ онъ доказалъ моему дѣду. Князь Н. П. Щербатовъ перѣхалъ уже на жительство въ Москву, когда ему пришло время отдать на службу сына своего, моего дѣда, князя Андрея, и отправить 16-ти лѣтнаго мальчика въ Петербургъ. Это было въ самомъ началѣ царствованія Елизаветы. Его отправили прямо къ двоюродному брату уже скончавшейся матери и, живя въ его домѣ, онъ скоро привязался къ нему и къ его женѣ, графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, урожденной княжнѣ Черкасской, самой нѣжной привязанностію. Они его полюбили, какъ своего сына, особенно Варвара Алексѣевна. Она была очень хороша собой, если судить по ея портретамъ, была умна, распорядительна и принесла за собою огромную часть огромнаго нынѣ Шереметевскаго имѣнія. Кажется, Останкино, съ его старой красивой церковью, принесено ею же въ приданое. Она тоже принадлежала къ дому одного изъ приверженцевъ Петровскихъ реформъ и держалась нововведеній; но въ то время это направлѣніе не мѣшало сохранять благочестивые обычай и православныя вѣрованія и преданія, и даже многія уродливыя привычки старины, такъ напр.: когда она съ мужемъѣздила въ Москву, въ одной каретѣ съ нею єхала дура, а съ графомъ шутъ. Эти путешествія требовали большихъ приготовленій, и дѣдъ мой записывалъ для нея всѣ распоряженія. Что-то среднее между маршрутомъ и церемоніаломъ одного путешествія долго хранилось въ бумагахъ у матушки, пока не украли у насъ шкатулки съ фамильными бумагами (воображая вѣроятно, что въ ней были деньги или драгоцѣнности). Въ то время, конечно, поѣздка въ 700 верстъ по ухабамъ, пескамъ и бревенчатой мостовой выходила настоящимъ путешествіемъ, и даже затруднительнымъ и тяжелымъ. За то люди богатые и знатные, какъ Шереметевы, єхали цѣлымъ караваномъ. Впередъ отправлялся поваръ съ цѣлой походной кухней и провизіей; съ нимъ отправлялся дворецкій съ винами, столовымъ бѣльемъ и серебромъ. Еще раньше отправлялся обойщикъ съ коврами, занавѣсками, посте-

лями и бѣльемъ. Въ городахъ доставали квартиру для ночлега или у знакомыхъ, или у зажиточныхъ купцовъ, какъ и теперь люди съ про-tekciей (дружеской или служебной) принуждены дѣлать въ глуби Россіи. Въ деревняхъ выбирали почище избу и отѣлывали коврами и занавѣсами до приличного и опрятного вида. Потомъ уже отправлялись господа съ шутами и карлицами, съ дѣтьми и няньками, гувернерами и гувернантками, и ѿхали такъ дней 7 или 8 до Москвы. Не знаю, часто ли повторялись у Шереметева эти путешествія; но дѣдъ мой, во всякомъ случаѣ, не могъ часто сопровождать своихъ родственниковъ, потому что былъ на службѣ, а именно въ Измайловскомъ полку. У Шереметевыхъ тогда еще не было сыновей, а черезъ полтора года послѣ его переселенія къ нимъ, родилась у нихъ дочь Анна Петровна, которую князь Андрей полюбилъ съ ея рожденія, какъ дочь, какъ сестру, какъ друга, и которая была для него главнымъ предметомъ заботы сердечной, радости и любви до самой ея смерти. Былъ ли онъ влюбленъ въ нее? Такой ли любовію она ему отвѣчала? Если и было такъ, что они сами не подозрѣвали этого. 18-тью годами старше ея, онъ вѣроятно все еще видѣлъ въ ней ребенка, котораго онъ лелеялъ и нянчилъ почти съ ея рожденія; она въ немъ видѣла и друга, и пестуна; да въ то время ихъ родство считалось слишкомъ близкимъ, чтобы помышлять о бракѣ, и также мало приходило въ голову влюбиться въ двоюродную сестру или племянницу, какъ въ сестру родную. Можно судить разно объ этомъ предразсудкѣ, но конечно имъ упрочивались и размѣрялись родственные связи семей, и такъ какъ мы еще далеко не дожили до христіанской любви между всѣми людьми, всѣхъ странъ мира, о которой толкуютъ космополиты: то было не дурно поддержать этотъ обширный кругъ родства, равно какъ и болѣе обширный кругъ единства народнаго, которое тоже презираютъ люди, находящіе все это слишкомъ узкимъ для нихъ, хотя большею частію они любятъ и поклоняются всему человѣчеству, представляемому въ себѣ самихъ только, со всею гордостью своего колоссального и благовиднаго эгоизма. Но дѣдушка и Анна Петровна любили другъ друга просто, крѣпко и неизмѣнно, какъ братъ и сестра, и ея портреты въ разныхъ возрастахъ и въ разныхъ нарядахъ остались у меня до сихъ поръ свидѣтельствомъ ихъ дружбы. Къ сожалѣнію, переписка ихъ, очень большая, потеряна тоже въ украденой шкатулкѣ. Я въ дѣтствѣ слышала объ Аннѣ Петровнѣ, какъ объ очаровательной женщинѣ; но по портретамъ нельзя судить объ этомъ: на нихъ у нея хорошиѣ, хотя небольшіе, черные глаза, смуглое, оживленное лицо и маленькия, тонкія, красивыя руки; но черты не хороши. На гробницѣ ея, въ Лазаревской церкви Невской Лавры,

надпись гласить: «была фрейлиной премудрой монархии, но была не долго». Къ ней сватался богатый и знатный, отчасти можно сказать и знаменитый, графъ Никита Ивановичъ Панинъ. Это была совершенно приличная партія для богатой и знатной невѣсты; родители ее благословили и помолвили. Дѣдушка, какъ старшій братъ, одобрилъ и поддержалъ выборъ. Всѣ были довольны, кромѣ одной женщины, мнѣ неизвѣстной, которую графъ Панинъ покинулъ для Анны Петровны. Это было въ то самое время, когда въ Петербургѣ свирѣпствовала повальная болѣзнь—оспа и когда императрица выписывала изъ-за границы вновь открытое предупреждающее средство — ваксину. Болѣзнь эта поражала ужасомъ, многихъ уложила въ гробъ, но еще больше людей изуродовала, и, разумѣется, молодыя женщины особенно опасались ея. Графъ Панинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ привоза ваксины, торопилъ, выписывалъ и уговорилъ невѣstu при первой возможности привить ее себѣ. Это составляло ежедневный разговоръ, толки, заботы; все это было извѣстно и той несчастной, которая возненавидѣла невинную, не знавшую даже о ея существованіи, Анну Петровну. Тогда была мода для молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ высшаго круга нюхать табакъ, будто потому, что было здорово для глазъ, а въ сущности вѣроятно ради прекрасныхъ и миниатюрныхъ табакерокъ (коихъ нѣсколько осталось и у насъ, послѣ матушки). Графу Панину вздумалось подарить невѣстѣ такую драгоцѣнную игрушку съ какимъ-то особенно хорошимъ табакомъ. Не знаю, какимъ образомъ удалось ея соперницѣ исполнить злую мысль: она нашла средство достать осенней матеріи самой злоказнѣнной отъ одного больнаго, и впустила ее въ табакерку. Можетъ быть, въ своей ревности, она думала только изуродовать соперницу, въ надеждѣ, что съ потерей красоты она потеряетъ и любовь жениха; но бѣдная Анна Петровна, вдохнувъ этотъ ядъ, заразилась самой ужасной ospой и расплатилась жизнью. Для дѣда моего это былъ ужасный ударъ. Съ нею онъ лишился лучшихъ радостей жизни и, кромѣ горести утраты, мучила его мысль, что эта чистая, высокая, благородная душа сдѣлалась жертвою низкой зависти гнуснаго расчета продажной красавицы и недостойной темной соперницы. Бѣдная Анна Петровна и не думала ей вредить; она и не знала, что кому-нибудь помѣшала, принявъ, по желанію родителей и по приличію свѣтскому, предложеніе Панина. Такъ ли она должна была кончить на 24-мъ году свою мирную и вмѣсть съ тѣмъ блестательную жизнь? Есть утраты сердечныя, тяжелыя, есть утраты жгучія, жестокія, есть утраты незамѣнимыя; но въ жизни каждого человѣка, между многими и многими утратами, есть одна, которая перемѣняетъ всего человѣка, которая отрываетъ у него часть сердца;

притупляет умъ, отнимаетъ всю упругость молодости, всю вѣру въ счастіе, отъ которой не справиться никогда: это есть утрата не самаго близкаго человѣка, не самаго любимаго, но человѣка самого нужнаго душѣ. И отчего онъ такъ нуженъ? Отъ обстоятельствъ-ли? Отъ вліянія? Отъ сходства-ли, отъ противоположности-ль характеровъ? Трудно сказать, и себѣ самому не дашь отвѣта. Знаешь только, что будто что-то оборвалось въ сердцѣ, и на этомъ мѣстѣ всегда остается пустота; оно и свято, и больно, и становится страшно туда заглянуть, и уже никогда не найди тамъ душевнаго клада, которымъ такъ богата была жизнь! До тѣхъ поръ часто разставался дѣдушка съ Анною Петровной: онъ былъ нѣсколько разъ посланъ курьеромъ въ армію, и въ Парижѣ былъ при блистательномъ и распутномъ дворѣ Людовика XV, и любовался Маріей Антуанетой, Madame Élisabeth и принцессой Ламбаль, во всей прелести ихъ юной красоты, и увлекался съ ними безпечною ихъ веселостью, не предвидя ужаснаго исхода всего этого блеска и всѣхъ добрыхъ намѣреній честнаго, добродѣтельнаго и великодушнаго Людовика XVI-го. Но среди грома войны и среди блистательныхъ Версальскихъ праздниковъ, мыслъ его отрадно покоялась на воспоминаніи лучшихъ радостей семейныхъ, и тянуло его домой, къ этой сочувственной душѣ, которая и вблизи и вдали дѣлила радости его и горе, и боялась, и молилась, и торжествовала съ нимъ и за него. Гдѣ бы онъ ни находился, переписка частая и откровенная, хоть немного, замѣняла дорогую привычку искреннаго обмѣна мыслей и чувствъ. А теперь—гдѣ найти эту ребяческую веселость и довѣріе, эту дѣтскую и дружескую вѣру и любовь, съ которыми она обращалась къ нему за совѣтомъ и участіемъ, и въ свою очередь поддерживала, и одобряла, и безсознательно наставляла его на жизненному пути, этимъ кроткимъ, тайнымъ, можно сказать, таинственнымъ вліяніемъ женскаго такта и любви? Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, намекая на собственную жизнь, сказалъ мнѣ однажды: «Еслибы женщины знали, какое вліяніе къ добру или ко злу имѣеть непремѣнно какая-нибудь женщина въ жизни каждого мужчины, онъ бы не жаловались на ничтожность своего положенія и были бы менѣе опрометчивы въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ».

Дѣдъ мой, кн. Андрей Николаевичъ испыталъ это вліяніе къ добру и къ возвышенню и очищенію души его, во всю жизнь своей кузины, а послѣ ея смерти еще крѣпче прежняго привязался къ ея матери, Варварѣ Алексѣевнѣ, которая уже давно замѣняла ему родную мать. Не знаю, прежде ли смерти Анны Петровны, или въ горестное время послѣ ея потери, но князь Андрей Николаевичъ сталъ играть и проигрывать значительныя суммы, разстраивая имѣніе, наследован-

ное послѣ отца своего, умершаго въ 1758 году. Графъ и графиня Шерemetевы хотѣли вознаградить потерю и подарить ему имъніе въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, выгодное по близости къ столицѣ; но дѣдъ мой и слышать не хотѣлъ о какомъ либо даже ничтожномъ ущербѣ ихъ сыну, и рѣшительно и неуклонно отказался, не смотря на настойчивыя предложения Варвары Алексѣевны и на повтореніе этого предложенія впослѣдствіи ихъ сыномъ, Николаемъ Петровичемъ. Истинная сыновняя любовь князя Андрея Николаевича къ богатымъ родственникамъ доходила до всякаго самопожертвованія, но не до материальной выгоды. Дѣдъ мой, равно какъ матушка и отецъ мой и его мать, были очень щекотливы на счетъ денегъ, и не разъ подвергались шуткамъ, если не насмѣшкамъ, получая названіе Кузьмы и Демьяна Безсребренниковъ. Отчасти, можетъ быть, князю Андрею Николаевичу не хотелось воспользоваться предложеніемъ дяди и потому, чтобы не казалось, что онъ ихъ располагаетъ къ себѣ въ ущербъ своему брату, князю Павлу Николаевичу. Объ этомъ братѣ я ничего не слыхала ни отъ кого, но за то много слышала о его семействѣ.

Одна дочь князя Павла Николаевича, княжна Елисавета Павловна, красавица собой, была изъ первыхъ воспитанницъ Смоленского монастыря, когда только что было основано это училище Екатериною II. По выходѣ изъ Смоленского, она жила у моего дѣда и особенно любила мою мать, которая тогда была еще дѣвочкой и которою она занималась, какъ маленькою сестрой. За то у насъ въ семействѣ сохранилась особенная любовь къ ней и какое-то нѣжное почтеніе. Я хорошо помню ее въ ея старости: тонкія, благородные черты, сѣдые волосы, мягкие и волнистые въ свѣтлой сѣдинѣ, не покрытые никакимъ чепцомъ (не знаю почему), большие, ласковые, пріятельские глаза, каріе съ свѣтлыми, золотистыми точками или искрами въ нихъ, какъ бываетъ въ глазахъ карихъ, но не черныхъ (не умѣю хорошо выражать). На ней всегда были темный тафтяной капотъ (*douillette*) и большая, теплая шаль, приколотая булавкой; подъ нея стоялъ круглый столикъ, на немъ серебряный колокольчикъ съ черной ручкой. Такъ сидѣла она всегда миловидная, грациозная, привѣтливая, но неподвижная: ея исхудалыя руки были изуродованы ревматизмами, отъ которыхъ она совсѣмъ потеряла движеніе ногъ. До этого состоянія паралича довела ее походная жизнь въ сырыхъ квартирахъ и палатахъ, въ которыхъ ей приходилось перебиваться внутри Россіи, въ Молдавіи и на Кавказѣ, слѣдуя всюду за любимымъ мужемъ, гдѣ только по военнымъ правиламъ позволялось женщинамъ находиться. Она была замужемъ за Александромъ Васильевичемъ Поликарповымъ, хорошимъ генераломъ, побывавшимъ во всѣхъ походахъ въ Турціи,

командировавшимъ отрядомъ на Кавказъ, и бывшимъ потомъ губернаторомъ въ Твери, гдѣ у него было значительное имѣніе, въ которомъ они любили жить лѣтомъ и въ которомъ Елизавета Павловна отстроилась послѣ смерти мужа.

Она была изъ старушекъ высокаго круга первая, которую я узнала. Онѣ теперь совсѣмъ перевелись, и мнѣ кажется, что ихъ мѣсто остается пусто. Въ наше же поколѣніе слишкомъ часто случалось видѣть, какъ старухи сидятъ въ одиночествѣ, съ трудомъ добиваясь партнера дѣма, посвящаемаго только на полчаса, много на часъ времени, черезъ день или два, своими дочерьми, внучками или невѣстками, прѣѣзжающими поочереди и тяжело вздыхающими отъ такого подвига, когда возвращаются отъ этихъ скучныхъ старухъ или стариковъ. У насъ (да и вообще въ то время) не было такъ. Сынъ Елизаветы Павловны съ женою жилъ у нея, тоже незамужняя дочь; а моя мать и отецъ, считая ее старшею въ семье, не пропускали ни одного дня, чтобы не побывать у нея, большею частію проводили у нея вечера, въ какой-то *vie de château*, одни за партіей картъ, другія за работой; а отецъ моей былъ ихъ чтецомъ, и пеисчи-слимое множество романовъ въ переводѣ на Французскій языкъ *miss Radcliffe, miss Burney, Валтеръ - Скотта* прочелъ онъ имъ. Мы, бывало, слышимъ оживленную бесѣду объ этихъ чтеніяхъ, критику или похвалу, разсказы и анекдѣты; но ни одной мнѣ не помнится жалобы на скуку или *обузу* этого безсмѣннаго дежурства у старой родственницы. Иногда мы слыхали о болѣе многочисленныхъ вечеринкахъ у нея; а на святкахъ къ ней или отъ нея отправлялись матушка моя, тетушка Марья Андреевна (невѣстка Елизаветы Павловны) и нѣсколько другихъ молодыхъ людей, иногда и съ батюшкой, подъ маскою, цѣлою толпой, *на огонекъ*, въ дома знакомыхъ, или по крайней мѣрѣ, известныхъ людей, но къ которымъ не были выѣзжі. И такъ *интриговали* подъ маской, танцевали подъ музыку клавикордъ, забавляли другихъ и себя, и уѣзжали, не открывая своихъ лицъ, ни именъ, въ наемныхъ каретахъ, кучера которыхъ сами не знали кого возили, такъ что секретъ соблюдался. А иногда и не по одному разу прѣѣзжали въ домъ въ продолженіе святокъ; и много было шутокъ, смѣху, догадокъ и строгой тайны и невинныхъ обмановъ и живой, молодой веселости въ этихъ продѣлкахъ. Говорили щѣхать *на огонекъ*, потому что въ тѣхъ домахъ хорошаго общества, въ которыхъ хотѣли принимать незнакомыхъ масокъ, ставили свѣчи въ окнахъ (какъ теперь дѣлается взамѣнъ иллюминациі), и это служило сигналомъ или приглашеніемъ для молодежи, разѣзжавшей цѣлыми обществами подъ маской. Разумѣется, не проходило безъ сердечныхъ приключеній: иногда молодой человѣкъ, не имѣвшій возмож-

ности быть представленнымъ въ домъ, т.-е. въ семейство дѣвушки, которую онъ любилъ, могъ пріѣхать подь маской, видѣть ея обстановку, семейную жизнь, комнаты, гдѣ она жила, пальцы, въ которыхъ она вышивала, клѣтку ея канарейки; все это казалось такъ мило, такъ близко къ сердцу, такъ много давало счастія влюбленному того времени, а разговоръ могъ быть гораздо свободнѣе, и многое высказывалось и угадывалось среди хохота и шутокъ маскированныхъ гостей, подь обаяніемъ тайной тревоги, недоумѣнія, таинственности и любопытства. Все это кажется смѣшно, вяло и глуповато въ наше время, но шуточное повтореніе фразы: «C'est ici que rose respire» имѣло тогда болѣе глубокое значеніе для искренняго и чистаго сердца молодаго человѣка, нежели даже сознавалось. Я еще была ребенкомъ въ то время и не принадлежу къ этому поколѣнію; но мнѣ кажется, право, qu'ils etaient dans le vrai *), и что эта наивность есть наивность полевыхъ цвѣтовъ, фіалокъ, ландышей и васильковъ въ сравненіи съ пышной красотой и опьяняющимъ запахомъ датуры-фастуозы или Японской лиліи. У насъ меныше простоты и больше наглости, какъ кажется мнѣ; не знаю, кто въ выигрышѣ. Но возвращаюсь къ Елизаветѣ Павловнѣ Поликарповой. Она еще была въ дѣвушкахъ, когда князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, похоронивъ молодую жену въ Швейцаріи, возвратился ко двору въ Петербургъ. Его романъ такъ извѣстенъ, что не знаю нужно ли его повторять. Въ самое время его всемогущества при Екатеринѣ II, онъ влюбился въ свою двоюродную сестру Зиновьеву. Съ своею волею, характеризующемъ Орловыхъ и вообще то время, съ привычкою видѣть одно только повиновеніе и даже подобострастіе, всесильный князь Орловъ вдругъ очутился передъ препятствиемъ почти непреодолимымъ, и, можетъ быть, это именно и побудило его непремѣнно жениться на двоюродной сестрѣ, проступокъ неслыханный въ то время; а могущество его должно было исчезнуть съ признаніемъ своей новой страсти передъ Императрицей. Оскорбленая въ своемъ самолюбіи, но врядъ ли въ сердечномъ чувствѣ, Екатерина согласилась на его удаленіе, и онъ уѣхалъ съ Зиновьевой въ Швейцарію; тамъ, кажется, или на дорогѣ, они обвѣнчались. Матушка еще пѣвала пѣсню или романсъ, написанный Зиновьевой въ то время. Онь начинался такъ:

Желанья наши совершились,
И всѣ напасти ужъ прошли.
Со тобой мы въ вѣкъ соединились.
Счастливы дни теперь пришли.

*) Они были правы.

Любимъ ты мнай, и я тобой!
 Чего еще душа желаетъ?
 Чтобы ты всегда мнѣ вѣренъ быль,
 Чтобы ты жену не разлюбилъ.
 Мнѣ всякий край съ тобою рай! ¹⁾)

Послѣ первого порыва страсти, пѣсня переходитъ въ страхъ за будущее, въ опасеніе, что ей измѣнить, что ее разлюбить мужъ. Предчувствіе не обмануло ея: для Орлова любовь была лишь прихотью. Скоро честолюбіе пробудилось опять, жажда власти, наслажденій гордости и самолюбія завладѣли имъ: онъ сталъ упрекать жену, удаляться отъ нея. Но для нея любовь его была всей жизнью, она не вынесла его перемѣны, зачахла и умерла, какъ Англичане говорятъ, отъ разбитаго сердца (*broken hearted*). Орловъ поспѣшилъ назадъ; но хотя его сердце могло спокойно совершить двойную измѣну, разумъ его не устоялъ противъ страданій гордости. Прежняго положенія онъ, разумѣется, не могъ воротить, и это-то горе было невыносимо для высокомѣрнаго временщика: онъ помѣшался, но такъ какъ его помѣшательство было безвредно, то его оставляли на свободѣ. Онъ по старому знакомству былъ съ визитомъ у дѣда мосго; а у насъ ужъ такое родовое преданіе и обычай, что бывшему сильному человѣку, въ дни его паденія и опалы, всегда оказывать вдвое больше почету и привѣту, нежели въ дни его могущества. Это въ своемъ родѣ гордость, можетъ быть, но она ведеть свое начало отъ благороднаго чувства. Ламенѣ гдѣ-то написалъ. «*Tous les hommes sont mes frères, mais ceux qui pleurent, sont mes enfants*» ²⁾). Прекрасное выраженіе нѣжнаго христіанскаго чувства. Въ отношеніяхъ общественныхъ и политическихъ, нѣжности нечего искать и требовать; а чувство общаго человѣческаго достоинства не выражается ли такъ: счастливому государственному человѣку должный почетъ, а падшему—радушіе, почитаніе и предупредительность. Это антитезисъ древняго изреченія *vas victis* ³⁾ и подобаетъ обществу новѣйшему, которое, со всѣми своими пороками, все-таки основано на христіанствѣ, хотя, увы! забываетъ свое происхожденіе, или отъ него отрекается. Вотъ дѣдъ мой и счелъ долгомъ принять князя Орлова радушно; а Орловъ,

¹⁾ Эти рифмованные куплеты, которые нельзя назвать стихами, были однако въ модѣ въ свое время, по той же поговоркѣ, что *ce qui est trop mauvais pour dire, se chante* (что слишкомъ плохо для того, чтобы произносить, то поется), или потому, что они все-таки выражаютъ отдѣльную страсть, какъ пѣсенка, прославленная Мольеромъ.

²⁾ Всѣ люди мнѣ братья, но плачущіе—мнѣ дѣти.

³⁾ Горе побѣженнымъ.

увидѣвъ красавицу-племянницу, стала посещать домъ Щербатовыхъ ежедневно, наконецъ нѣсколько разъ въ день, и сталъ ухаживать за Елисаветой Павловной и свататься къ ней. Но тутъ уже была граница великодушію и христіанской снисходительности. Выдать ужаснувшуюся племянницу за сумасшедшаго миллионера было не въ характерѣ и не въ преданіяхъ нашей семьи, и князь Андрей Николаевичъ былъ принужденъ отказать Орлову не только отъ брака, но послѣ и отъ дома. Елисавета Павловна всегда вспоминала съ ужасомъ о страхѣ, который наводила на нее любовь этого страстнаго, свободнаго, неистового безумца-фаворита. Если судить по рассказамъ близкихъ людей, что-то въ родѣ страха чувствовала и безстрашная Екатерина во время его силы. Она даже писала къ Понятовскому, когда онъ хотѣлъ прїѣхать въ Петербургъ послѣ ея восшествія на престоль: «ne venez pas; les Orloff ne le permettraient pas» *). Впрочемъ, такъ какъ она сама не желала возвращенія прежнихъ отношеній къ Понятовскому, то можетъ быть своенравіе Орлова служило лишь предлогомъ. Какъ бы ни было, княжна Елисавета Павловна Щербатова избавилась отъ своего сумасшедшаго жениха.

Но бытъ другой искатель ея руки, которому она не отказалася и къ которому сохранила во всю жизнь самую нѣжную, самую страстную любовь. Это былъ Александръ Васильевичъ Поликарповъ, о которомъ я уже говорила. Красавецъ собой, храбрый и любезный въ своей молодости, онъ въ послѣдствіи заслужилъ себѣ одинаково любовь и почтеніе за свою справедливость и беспристрастіе, какъ сенаторъ. Изъ военной службы онъ перешелъ въ гражданскую, утомленный походами и лагерною жизнью, которые стоили ему здоровья жены. Онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тверь. Ну тутъ ему не посчастливились, вслѣдствіе такого же фамильного воззрѣнія на вещи, какъ и у насъ въ семье. По восшествіи на престоль Павла Петровича, друзья и временщики Екатерины, какъ извѣстно, были удалены не только отъ двора, но даже изъ столицы. Между ними была и княгиня Дашкова. Ей надобно было проѣхать черезъ Тверь. Поликарповъ рѣшилъ, что приметъ ее съ тѣмъ же почетомъ, какъ принялъ бы при Екатеринѣ. Онъ былъ отставленъ отъ мѣста, только при Александрѣ опять вызванъ на службу и назначенъ сенаторомъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ жилъ въ своихъ Тверскихъ вотчинахъ, и когда прїѣзжалъ въ Петербургъ, то останавливался у моего дѣда. Такимъ образомъ, близкія и родственные отношенія не прерывались

*) Не прїѣзжайте: Орловы этого не позволять.

между обоими семействами. Въ Сенатѣ онъ былъ извѣстенъ строгою честностію, и иногда въ полномъ собраніи ему случалось выговаривать министрамъ, Лопухину и др., когда онъ замѣчалъ лицепріятіе съ ихъ стороны въ какихъ-нибудь тяжебныхъ дѣлахъ. Что вы себя губите, говоривъ онъ: вѣдь вы души своей не жалѣте! Какой отвѣтъ дадите Богу, что вдову (или сироту) обижаете? И въ такомъ родѣ рѣчи держалъ Поликарповъ по тогдашнему патріархальному обращенію стариковъ между собою, даже въ офиціальныхъ сношеніяхъ. По всѣмъ разсказамъ тогдашнихъ временъ надо полагать, что между заслуженнымъ дворянствомъ хорошихъ родовъ, но не принадлежавшимъ къ тому Французскому кругу, который составлялъ собственно избранное общество Екатерины, царствовали какое-то добродушіе и домашнее обращеніе съ дѣлами, не совсѣмъ похожее на должностную важность судей-спеціалистовъ, и когда они говорили другъ другу *ты*, не было ничего похожаго на гордое *ты*, которое говорили другъ другу Испанскіе гранды. Какъ бы то ни было, но Поликарпова знали бѣдные, имъ защищаемые люди, и бывало, если пріѣдетъ изъ-за тридевять земель для тяжбы мать семейства безъ знакомыхъ, безъ связей, безъ понятій о законахъ, ей говорять:—поди къ Александру Васильевичу, тогдѣ уже не выдастъ имъ твоё право; онъ ихъ не боится, вся кому скажетъ правду, по совѣсти разсудитъ.

Однакожъ этотъ человѣкъ, такъ рѣзко выговаривавшій любому сенатору въ полномъ присутствіи, былъ способенъ на утонченную любезность съ женщинами. Я уже говорила, какъ онъ пожертвовалъ своимъ положеніемъ и рисковалъ еще хуже, ради учтивости къ княгинѣ Дашковой. Много лѣтъ спустя, уже бывши сенаторомъ, онъ часто вѣжалъ по домашнимъ дѣламъ въ свое Тверское имѣніе, даже осенью и зимою, а лѣто тамъ все проживалъ. Онъ тогдѣ сблизился съ великой княгиней Екатериной Павловной, которая жила въ Твери, и какъ всѣ, которые ее знали, былъ очарованъ ея умомъ, любезностію и горячностію любви ея къ Россіи, къ ея преуспѣянію и развитію, и во всему прекрасному и благородному, и у насъ и у другихъ. Она часто обращалась къ нему за совѣтомъ, какъ къ старииному и коренному уроженцу Тверскому. Однажды она стала ему жаловаться на высокую цѣну дровъ, и спросила, что дѣлать? Онъ совѣтовалъ успокоиться и обождать, потому что цѣны скоро упадутъ. Затѣмъ онъ отправился въ свое имѣніе, велѣлъ вырубить лѣсную дачу и отправить дрова на продажу въ Тверь по самымъ низкимъ цѣнамъ. Разумѣется пришлось и всѣмъ другимъ понизить цѣны,—и дрова подешевѣли. Великая Княгиня никогда ничего объ этомъ не узнала и удивлялась только дальновидности Поликарпова на счетъ рыночныхъ цѣнъ,

не подозрѣвая, какъ дорого онъ самъ поплатился. Добрую славу свою, какъ защитникъ и помощникъ бѣдныхъ и слабыхъ, Поликарповъ распространилъ дальше Петербурга и Твери; когда, по случаю голода, его послали въ разныя губернія для продовольствія народа, своею честностію, добротою и умѣньемъ по хозяйству, онъ исполнилъ съ успѣхомъ порученіе, оставляя по себѣ память во многихъ и многихъ благодарныхъ сердцахъ. Ему дали тогда въ помощники молодаго человѣка мало извѣстнаго, но даровитаго и честнаго (чтѣ бы ни говорили о немъ послѣ, когда клевета по обыкновенію стала преслѣдоватъ высокопоставленнаго государственнаго дѣятеля). Этотъ молодой человѣкъ былъ Канкринъ, и я съ удовольствіемъ записываю хорошую черту изъ его жизни. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда уже Канкринъ пошелъ въ гору и получилъ видное мѣсто по Министерству Финансовъ, онъ прїѣхалъ ко вдовѣ А. В. Поликарпова, напомнилъ ей, что онъ при ея мужѣ началъ первую дѣятельную службу и пользовался его честнымъ примѣромъ и опытностію. Я его ученикъ, говорилъ съ любезностію Канкринъ Елизаветѣ Павловнѣ. Въ сущности, вѣроятно соображенія и несомнѣнная даровитость Канкрина въ денежныхъ дѣлахъ много способствовали, напротивъ, успѣху его посыпки; что касается его щедрости, добродушія и любви къ народу, конечно можно было всякому учиться у Александра Васильевича Поликарпова. Эти качества наслѣдственны въ ихъ семействѣ. Его единственный сынъ Александръ Александровичъ былъ не менѣе щедръ и добръ; а внукъ его Евгений Александровичъ, скончавшійся 21 Января 1871 года, былъ одинъ изъ тѣхъ неизвѣстныхъ свѣту подвижниковъ гражданскихъ, тѣхъ добрыхъ воиновъ безкровной борьбы добра со зломъ, тѣхъ стойкихъ героевъ дома во всѣхъ отношеніяхъ жизни, одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ сказано, что они знаемы

Лишь Богу, да Его Святымъ.

Ими держится наша земля, не только земля Русская, но вся наша грѣшная земля, здѣшняго міра. Безъ такихъ людей огнь Божій пожралъ бы насъ, какъ Содомъ и Гоморру; да и безъ явной кары небесной, сами люди бы погубили и истребили всѣхъ и вся, какъ намъ доказываетъ это Парижская коммуна. Одно изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни — это такие люди, и, слава Богу, немало знала я ихъ. Изъ нихъ Евгений Александровичъ Поликарповъ самый близкій мнѣ, столько же по родству, сколько по душѣ. Но кончина его еще слишкомъ близка, слѣдъ его еще не остылъ, и рано говорить о его дѣйствіяхъ и о немъ.

У дѣда моего кн. Андрея Николаевича Щербатова была еще другая дочь Анна, и въ ней и черезъ нее соединяются лучшія родственныя воспоминанія семейства матери моей и семейства моего отца. Его мать, Екатерина Ермолаевна Блудова, имѣла рѣдкое счастіе, которое достается только избраннымъ немногимъ: у нея былъ другъ, не въ свѣтскомъ смыслѣ слова подруги или пріятельницы, но искренній, неизмѣнныій другъ, съ которымъ она дѣлилась мыслями и чувствами, съ которымъ видѣлась ежедневно и отъ которого не имѣла ничего скрытаго. Этотъ другъ была графиня Анна Павловна Каменская, жена фельдмаршала, мать Николая Михайловича, командовавшаго арміей въ Финляндіи и на Дунай. Ихъ дома въ Москвѣ были очень близки *), и валикта изъ сада Каменскихъ открывалась въ садъ Блудовыхъ, такъ что соѣдки ходили другъ къ другу безпрестанно, безъ того этикета и сборовъ, которые въ то время требовались при всякомъ выѣздаѣ въ каретѣ для женщины высшаго общества. Дружба эта перешла и на второе поколѣніе, и отецъ мой, сестра его и всѣ ея дѣти, до конца жизни графини Каменской, были всегда у нея на ногѣ самыхъ близкихъ, любимыхъ родственниковъ. Потому и графъ Николай Михайловичъ, главнокомандующій, просилъ къ себѣ отца моего въ армію, и у Каменскихъ онъ познакомился съ своею женою, мою матерью, родственницей ихъ, прежде нежели поѣхалъ въ южную армію. Дружба между его матерью и матерью Каменского и развивавшаяся склонность къ нему моей матери (любезной вузинѣ Николая Михайловича) конечно содѣствовали къ назначенію его управляющимъ канцеляріею главнокомандующаго арміей въ Турціи. Это былъ постъ важный по тогдашнимъ обстоятельствамъ, и блестательное начало карьеры для молодаго человѣка, 25-ти-лѣтняго, не бывшаго ни на какихъ видныхъ мѣстахъ до тѣхъ поръ и не принадлежавшаго къ аристократическому кругу Петербургскаго двора. Не знакомство по службѣ съ Николаемъ Михайловичемъ Каменскимъ повело къ женитьбѣ отца моего (какъ написалъ кнѧзь Петръ Долгоруковъ), а дружба фамильная и взаимная любовь между нимъ и родственницей Каменскихъ дали случай Николаю Михайловичу оцѣнить способности моего отца и повели къ назначенію его по службѣ.

Графиня Анна Павловна Каменская была одна изъ первыхъ красавицъ своего времени, благородная душой, добрая сердцемъ, мягкая нравомъ. Объ ней всѣ знавшіе ея помнятъ, какъ объ ангелѣ во плоти. Въ замужествѣ она не была счастлива, и крутой,

*) Домъ или скорѣе дворецъ графовъ Каменскихъ въ Москвѣ на Смоленскомъ бульварѣ, нынѣшнее зданіе Земледѣльческой Школы (съ домовою церковью). П. Б.

деспотический характеръ мужа много заставилъ ее страдать. Сверхъ того у него была известная всемъ, нагло выставленная на свѣтъ связь съ простою, злую женщиной, къ которой онъ уѣзжалъ безпрестанно въ деревню на цѣлые мѣсяцы, когда не былъ въ Петербургѣ или въ арміи, оставляя графиню Каменскую одну въ Москвѣ; во она никогда не заслужила ни малѣйшаго упрека, никогда злословіе не касалось ея. Такія двѣ женщины, какъ она и бабушка моя Катерина Ермолаевна, должны были, такъ сказать, пополнять другъ друга въ моральномъ отношеніи, и твердость характера, превосходство ума Катерины Ермолаевны давали ей большое влияніе на графиню Каменскую. Одна дочь, тоже несчастная въ замужествѣ *), и двое сыновей составляли семейство Каменскихъ. Сергій, старшій, съ недостатками отца, но безъ его талантовъ, былъ однако любимъ матерью (многіе даже думали, что онъ былъ ея любимымъ сыномъ) и, страннымъ образомъ, она видѣла въ блестательной карьерѣ меньшаго сына, перегнавшаго его по службѣ, что-то въ родѣ несправедливости судьбы. Она уговорила главнокомандующаго дать старшему брату случай отличиться и показать тѣ военные способности, которыя она воображала врожденными во всѣхъ членахъ ихъ семейства. Этотъ случай, какъ увѣряли, думалъ ему доставить братъ его при осадѣ Рущука. Извѣстно, какія бѣдствія послѣдовали имѣло это распоряженіе. Сергій Михайловичъ, подобно отцу, жилъ дурно съ женой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей, умершихъ дѣвицами. До старости лѣтъ жиль онъ разгульной жизнью въ Орлѣ и въ своемъ имѣніи, въ той же губерніи, и славился особенно своимъ домашнимъ театромъ и всѣмъ, чтѣ обыкновенно соединялось съ этими труппами крѣпостныхъ актеровъ и актрисъ. Онъ издерживалъ на это удовольствіе все огромное богатство отцовское и, не жалѣ денегъ на этотъ предметъ, «хотѣлъ купить» славнаго актера Щепкина у его помѣщика, какъ туть самъ разсказывается; но нѣсколько почитателей его таланта сложились и выкупили Харьковскую театральную знаменитость, сдѣлавшуюся въ послѣдствіи знаменитостью для всей Россіи. Послѣ смерти первой жены, урожденной Ефимовой, Сергій Михайловичъ женился на молодой, хорошей собою, вдовѣ Кириловой, отъ которой имѣлъ много дѣтей; теперешніе графы Каменскіе—его сыновья и внучата. Одинъ изъ сыновей, Андрей, способный, красивый собою, напоминавшій по наружности знаменитаго дядю, выбралъ было военное поприще для службы, но не долго оставался въ ней, женился, уѣхалъ въ деревню и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, въ разстройствѣ ума. Другіе, кто умеръ, кто остался въ жизнѣ, недолго служили, и особеннаго ничего не слыхать о нихъ.

* ГР. Марья Михайловна Каменская за Григориемъ Павловичемъ Ржевскимъ. II Б.

если не върить молвѣ объ ужасномъ преступленіи, совершенномъ въ Смоленскомъ земствѣ, которое, къ несчастію, приписываютъ одному изъ нихъ. Самъ фельдмаршалъ, известный въ исторіи какъ человѣкъ съ истиннымъ талантомъ военачальника, былъ настоящимъ *большимъ бариномъ* того времени, позволявшимъ себѣ все, чтобъ его богатство, его санъ, его положеніе въ свѣтѣ могли доставить ему къ удовлетворенію его прихотей и къ наслажденію материальной жизнью. Сластолюбивый деспотъ, онъ, какъ многіе богачи того времени, былъ не разборчивъ въ своихъ связяхъ, и наконецъ подпалъ подъ вліяніе грубой, даже некрасивой женщины и, какъ уже сказано, проводилъ съ нею въ деревнѣ все свободное отъ службы время; въ Москвѣ же, въ своемъ законномъ семействѣ, онъ являлся какимъ-то повелителемъ, грозою всѣхъ домашнихъ. Строгая чистота, спокойное достоинство Катерина Ермолаевна Блудовой были для него особенно антипатичны, а нѣжная дружба, ежедневныя свиданія съ его женой были ему такъ противны, что двѣ пріятельницы запирали калитку между своими садами, и посѣщенія ихъ дѣлались формальными визитами, какъ скоро фельдмаршалъ являлся въ свой домъ на Смоленскомъ бульварѣ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что первое охлажденіе между нимъ и женой произошло отъ вмѣшательства одной изъ ея родственницъ и, можетъ быть, безъ этого вмѣшательства, ея кротость и красота взяли бы верхъ надъ его наклонностями. Какъ бы то ни было однако, его любовная связь погубила его. Богатство и власть, которою надѣлялъ ее фельдмаршалъ въ своемъ имѣніи, не удовлетворяли его любовницы: ей захотѣлось положенія *честной женщины*, т. е. ей захотѣлось выйти замужъ, и предметомъ этой законной любви, или этого расчета, она избрала полицейскаго чиновника, а средствомъ къ достижению цѣли — убийство. Обѣщаніемъ награды и надеждой на безнаказанность она уговорила одного молодаго парня изъ дворовыхъ, не любившихъ вообще своего крутаго помѣщика, разрубить ему черепъ топоромъ въ лѣсу, черезъ который онъ ходилъ зимою въ саняхъ; кучерь былъ соучастникомъ, или, по крайней мѣрѣ, не защитилъ барина, и оба приговорены были къ заслуженной казни; но сама виновница кроваваго преступленія осталась въ сторонѣ, благодаря протекціи полицейскаго, за котораго она вышла замужъ. Отъ нея былъ у фельдмаршала сынъ незаконный и потому не носившій титула графскаго, но названный однако Петромъ Михайловичемъ Каменскимъ. Онъ въ молодости показалъ замѣчательныя военные способности и страстную любовь къ военному дѣлу. Братъ его, главнокомандующій, взялъ его къ себѣ въ адъютанты; послѣ его смерти онъ прослужилъ и отличился, сколько можно, въ ма-

лыхъ офицерскихъ чинахъ, въ кампаніяхъ отъ 1812 до 1815 года, и уже послѣ войны, за какую-то погрѣшность противъ дисциплины, былъ сосланъ въ одну изъ крѣпостей внутреннихъ губерній Россіи; тамъ онъ утонулъ, какъ говорятъ, случайно, купаясь; иные думаютъ, что онъ утопился отъ унынія и скучи.

Наконецъ, самый даровитый членъ семейства Каменскихъ, молодой главнокомандующій, тоже погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ насильственnoю смертью. Николай Михайловичъ Каменскій, съ блестательными способностями, такъ сказать наследственными, не наследовалъ отъ отца ни его крутаго нрава, ни его привычекъ. Онъ воспитывался въ Петербургѣ въ кадетскомъ корпусѣ и былъ порученъ попеченію дяди, князя Щербатова. Онъ былъ хороши собою, талантливъ, пылокъ, благороденъ, и скоро сдѣлялся самымъ искреннимъ другомъ своей молодой кузинѣ, княжны Анны Андреевны. Она до конца жизни (а пережила его 37 лѣтъ) вспоминала о немъ съ искренней дружбой; онъ былъ ея довѣреннымъ другомъ, зналъ о любви Дмитрія Николаевича Блудова, и съ своей стороны употребилъ всѣ усилия къ преодолѣнію препятствій къ ихъ свадьбѣ. Онъ тѣмъ горячѣе сочувствовалъ Дмитрію Николаевичу, что самъ былъ влюбленъ въ подругу своихъ кузинъ, dochь Нѣмки ключницы или кастелянши. Елизавета Карловна жила, воспитывалась и выѣзжала въ свѣтъ съ княжной Анной Андреевной. Ея красота, доброуправіе, образованность и равенство въ обхожденіи съ ней семейства Щербатовыхъ и ихъ посѣтителей, заставили молодааго графа совершенно забыть ея происхожденіе. Ежедневныя свиданія, естественное сближеніе между ними, не обращали на себя вниманія въ домѣ, гдѣ привыкли смотрѣть на Елизавету Карловну, какъ на родную; и княгиня Щербатова тогда только догадалась о любви племянника, когда узнала, что онъ сбирается увезти ее и обвѣнчаться съ ней. Тогда всѣ неодолимыя препятствія къ такой развязкѣ, при характерѣ фельдмаршала, вдругъ стали ясны въ глазахъ княгини. Предвидя бѣду, она обратилась къ самой матери Елизаветы Карловны. Выманить согласіе у фельдмаршала и даже у матери была бы пустая попытка, а обойтись безъ этого согласія было бы слишкомъ опасно: фельдмаршаль не остановился бы ни передъ какой крайностію, разжаловалъ бы сына въ солдаты, сослалъ бы его, а чтѣбы было съ несчастной, непризнанной женой! Мать очень хорошо поняла опасность; но, видя, что никакія мольбы и увѣщанія не действуютъ на влюбленнаго юношу, рѣшилась на принудительныя мѣры съ дочерью и выдала ее замужъ за другаго жениха, молодааго офицера, съ состояніемъ, по имени Кислинскаго. Горе, негодо-

ваніе, отчаяніе молодаго Каменскаго только усиливали его любовь къ похищенной у него женщинѣ, и тронули ее. Они были разлучены не на долгое время, сошлись опять, и уже только смерть Елизаветы Карловны положила конецъ ихъ любви. Лѣта проходили, и графиня Каменская уговаривала, упрашивала сына жениться; но онъ всю душу отдалъ этой первой и послѣдней любви, и устроенная по расчетамъ, или удобству, женитьба была ему противна, даже послѣ смерти Елизаветы Карловны. Между тѣмъ, мать его въ Москвѣ выбрала ему знатную, богатую невѣсту, добрую, съ нѣжнымъ сердцемъ, съ пламеннымъ воображеніемъ, но необыкновенно дурную собою, графиню Анну Алексѣевну Орлову-Чесменскую. Она полюбила Николая Михайловича; его красавая наружность, ловкость, воинская слава, все въ немъ прѣняло ее; но въ ней было болѣзненное сознаніе своей непривлекательности и неотступная мысль о корыстолюбивыхъ планахъ своихъ жениховъ; говорить, что незаконный сынъ ея отца, съ которымъ она была на братской ногѣ, тоже способствовалъ по своимъ расчетамъ такому недовѣрю. Она, можетъ быть, видѣла и холодность къ себѣ Николая Михайловича, чуя, можетъ быть, въ сердцѣ, что у него всѣ нѣжныя чувства склонены были навсегда. Какъ бы то ни было, любя его романической любовью, она однако отказала ему, когда, передъ отѣзdomъ его въ армію, мать уговорила его свататься. Отказъ былъ такъ неожиданъ, душевное расположение графини Орловой такъ известно графинѣ Каменской, что даже образъ въ богатой ризѣ, весь въ жемчугахъ и дорогихъ каменьяхъ, былъ уже приготовленъ для благословленія сына на женитьбу. Этимъ образомъ она въ послѣдствіи благословила мать мою, когда та выходила замужъ; этою же иконой Божіей Матери «Утоли моя печали» батюшка благословилъ моего старшаго брата Андрея на бракъ съ дочерью графа Альтена (Ганноверца). Я упоминаю объ этихъ подробностяхъ, потому что, по мѣткому замѣчанію одного Англійскаго путешественника, фамильные иконы, переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе, «отцовское благословеніе», занимаютъ или занимали доселѣ въ старыхъ дворянскихъ семьяхъ, равно какъ и въ зажиточныхъ дворахъ крестьянскихъ, мѣсто старой библіи въ Англійскихъ семьяхъ и фамильныхъ портретовъ западной Европы. Они и святыня родовая, и родовое приданое. Какъ бы ни было, фамильные иконы составляютъ часть, весьма немногочисленную, древностей Русскихъ непроданныхъ и неистребленныхъ безпечностию и нерадѣніемъ нашимъ. Графиня Орлова отвергла Каменскаго, но по смерти его не могла уйтъ и, отказавшись на всегда отъ замужества, посвятила всю жизнь свою на дѣла богоугодныя, на молитву и на украшеніе и обо-

гашеніе обителей иноческихъ и церквей, замаливая грѣхъ отца и утоляя горесть и любовь собственного сердца. Тогда однако Николай Михайловичъ не могъ угадать, какъ вѣрно и неизмѣнно онъ былъ любимъ въ то само время, когда его удаляли. Гордость его страдала, и щекотливость бладороднаго сердца оскорблена была мыслю, что на него должны смотрѣть, какъ на человѣка гоняющагося за невѣстой-милліонершой. Онъ былъ разстроенъ и не въ духѣ, когда прощался съ матерью; сѣлъ въ коляску, чтобы ѿхать въ армію, и въ это время юродивый подошелъ къ экипажу и протянулъ къ нему руку съ платкомъ, говоря: — На, возьми на счастіе! Добрый путь! Каменскій зналъ юродиваго, бывшаго часто въ ихъ домѣ, улыбнулся ему привѣтливо и взялъ платокъ. Но ему не вѣрилось въ счастіе, было тяжело на душѣ, а мысли были взволнованы самоупрекомъ за слабость, съ которой согласился онъ сдѣлать предложеніе, за самолюбіе, а не любовь, которое страдало отъ отказа. Онъ взялъ платокъ, чтобы не обидѣть бѣднаго юродиваго, но тутъ же машинально передалъ его своему адъютанту,—а этотъ адъютантъ былъ Закревскій. Домашніе Каменскихъ вздохнули, и всегда потомъ, рассказывая этотъ случай, замѣчали, какъ ихъ любимый графъ, предметъ ихъ гордости и славы, передалъ свое счастіе Закревскому, и уже не возвратился живымъ на родину. Когда вскрыли его тѣло, открыли слѣды отравы. Его привезли въ Россію и похоронили въ Орловскомъ имѣніи подлѣ отца; но мать просила, чтобы сердце было отдано ей; оно хранилось въ приходской церкви ея дома въ Москвѣ, пока она была въ живыхъ, а послѣ ея смерти, по ея просьбѣ, похоронено съ нею на кладбищѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ она указала себѣ могилу, возлѣ друга своего, Катерины Ермолаевны Блудовой. Графиня А. А. Орлова умерла болѣе 30 лѣтъ спустя послѣ смерти графа Каменскаго; но еще въ послѣдніхъ годахъ своей жизни, всецѣло посвященной добрымъ дѣламъ и молитвѣ, она въ душевныхъ изліяніяхъ съ одной вѣрной подругой своей молодости (г-жею Герарръ) вспоминала о Каменскомъ, объ этомъ умершемъ, отвергнутомъ ею женихѣ, со всею горячностью, со всѣмъ увлеченіемъ любви двадцатилѣтней дѣвушки. Ни холодъ лѣтъ, ни время, ни посты, ни молитва, ни смерть, ничто не охладило любви сильной и гордой, которая не позволила принять его руки, при мысли, что его сердце склонено въ могилѣ другой, любимой имъ женщины.— Графиня Анна Алексѣевна была вообще не дюжинная натура; и, не смотря на ея далеко некрасивое лицо и ничѣмъ незамѣчательный разговоръ, было для меня что-то привлекательное въ ней, какая-то искренность, теплота, простота, и то, что такъ непереводимо хорошо выражается по-англійски словомъ earnestness. Но все разсказанное

выше случилось въ послѣдствіи; въ концѣ же царствованія Екатерины, въ кратковременное царствованіе Павла и въ первые годы Александра, домъ Каменскихъ, по рассказамъ современниковъ, былъ типомъ Московского барскаго дома, съ неумолимымъ деспотизмомъ хозяина, съ аристократическимъ этикетомъ Запада, и вмѣсть съ добродушiemъ Русскимъ, передъ которымъ исчезали и гордость и этикетъ. Няни, мамы, Турчанки, т. е. взятая въ плѣнъ Турская дѣвушка, подаренная по возвращенію изъ арміи нашихъ военныхъ знакомымъ дамамъ, крещеная ими въ христіанскую вѣру и кое-какъ воспитанныя, Калмычки, карлицы, горничная и сѣнная дѣвушки, которая въ важныхъ случаяхъ, какъ напр. при свадьбахъ, пѣли Русскія обрядовыя пѣсни, какъ въ древнія времена, или какъ и нынѣ у крестьянъ, все это сливалось во многихъ знатныхъ домахъ со всѣми утонченностями западной роскоши и свѣтскости. На домашнемъ театрѣ любители, родственники и родственницы графини Каменской играли комедіи Вольтера и Мариво; когда дочь фельдмаршала выходила замужъ, горничная дѣвушки и приживалки пѣли свадебныя пѣсни ежедневно во все время между помолвкою и свадьбой, до того что, наконецъ, графиница попугай выучился напѣву и наѣкоторымъ словамъ такъ твердо, что продолжалъ пѣть ихъ, когда невѣста уже давно была замужемъ за Ржевскимъ. Въ этой средѣ сохранялась все-таки *Русская*, хотя уродливая жизнь; а любовь къ отечеству и строгость нравовъ отличали графиню Каменскую столько же, сколько и бабушку мою, Катерину Ермолаевну. По всѣмъ рассказамъ, слышаннымъ мною объ этихъ двухъ женщинахъ, они представляются мнѣ, среди обстановки XVIII-го вѣка, въ строгомъ и вмѣстѣ кроткомъ образѣ тѣхъ первыхъ христіанскихъ женъ Рима, въ которыхъ соединялось стоическое достоинство древнихъ матронъ съ чистотой апостольского типа супруги и матери. Но возвращаюсь къ моему дѣду князю Андрею Николаевичу Щербатову.

Съ другой кузиной, своей граф. Варварой Петровной Шереметевой онъ не былъ такъ близокъ какъ съ Анной Петровной; однако отношенія ихъ были добрыя, родственныя и тоже продолжались между семействомъ ея и моимъ нѣсколько поколѣній. Она вышла замужъ за графа Алексея Кирилловича Разумовскаго. Одна дочь ея, Варвара Алексѣевна, была за княземъ Репниннымъ; другая, Екатерина Алексѣевна, за Сергеемъ Семеновичемъ Уваровымъ, съ которымъ мы поэтому считались въ родствѣ, и это отчасти сблизило его съ отцемъ моимъ въ ихъ молодости. Истинно - братское отношеніе къ графу Николаю Петровичу Шереметеву дѣдъ мой сохранилъ во всю свою жизнь; и отъ этой сердечной дружбы наши семьи остались такъ близки до нынѣ, хотя родства уже больше не до-

ищемся съ нынѣшнимъ поколѣніемъ, развѣ какой Ирландецъ станетъ считать степени родства (а п *I g i s h c o u s i n*). Дѣдъ мой, князь Андрей Николаевичъ пріѣхалъ на службу въ Петербургъ, когда во всѣхъ сердцахъ возраждалась надежда на спокойствіе и славу. Елизавета Петровна была любима Русскими, какъ дочь Петра и какъ представительница Русскаго начала, послѣ долгаго правленія иностранцевъ: знали, что она болѣе гордилась тѣмъ, что она дочь Петра, реформатора и героя, нежели тѣмъ, что она дочь императора великой державы; знали, что она будетъ приближать къ себѣ бывшихъ сподвижниковъ отца; не смотря на страшную распущенность нравовъ ея, знали, что она *по своему* (скажемъ, по тогдашнему) благочестива и что, по тогдашнему, она, въ сравненіи съ звѣрскою жестокостію того времени, мягкосердна и милостива къ противникамъ власти. Кажется, не будетъ неумѣстно записать нѣсколько предавій обѣйней, которыя родители мои слышали отъ князя А. Н. Щербатова и отъ Разумовскихъ. Она провела молодость въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ за свободу и жизнь свою, въ враждебной средѣ сторонниковъ царицы Евдокіи, при воспоминаніи на престоль Петра II, потомъ Бирона, потомъ Анны Леопольдовны, и только своимъ бездѣйствіемъ и невмѣшательствомъ въ дѣла, своею посредственностью и страстью къ забавамъ и увеселеніямъ, избѣгала подозрѣнія и преслѣдованія. Маскарады, танцы, театральныя представленія, казалось, одни занимали ее. У нея точно не было геніальности и не было образованія, но природный умъ и страстная любовь къ славѣ отца заставляли ее понимать, что она бы повела Россію на путь лучшій, по крайней мѣрѣ, чѣмъ Биронъ, и что такая мысль могла прійти на умъ самому правителью-фавориту. Ей нужно было скрывать все это ради безопасности своей, и она считала себя и показывалась *умершую* ко всему въ политикѣ и въ управлѣніи; такъ она о себѣ говорила. Воспоминаніе же свое на престолъ она считала политическимъ *воскресеніемъ Лазаря*, возстаніемъ отъ мертвыхъ, и потому любила церкви освящать во имя *Воскресенія Господня*, иконы *Воскресенія* ставила и въ церквяхъ и у себя, предпочитая ихъ другимъ изображеніямъ. Она въ то время дала обѣщаніе ежегодно ходить на богослужение въ Троицко-Сергіеву Лавру за Москвой, и когда это оказалось неудобнымъ (особенно ея приближеннымъ и министрамъ), то подали мысль выстроить во имя Св. Сергія обитель по близости къ Петербургу, и исполнять свой обѣтъ, ходя пѣшкомъ въ монастырь на Петергофской дорожѣ, выстроенный ею, который нынѣ зовутъ Сергиевской пустынью. Она туда и синодики фамильные отдала. Я не знала этого, и нѣсколько лѣтъ назадъ случайно была тамъ у обѣдни въ послѣднюю Субботу мѣ-

сяца, не помню которого. Вдругъ, среди великолѣпнаго пѣнія и службы, поминовеніе умершихъ начинается съ «*Патріарха Филарета, инокини Мары*, продолжается рядомъ царей, великихъ князей, императоровъ, императрицъ до Елисаветы Петровны. Не могу сказать, какъ поразительно показался мнѣ, въ своей неожиданности, этотъ перечень славныхъ именъ, представляющихъ собою такую громаду историческихъ событий вѣка, столь не похожаго на нашъ, которая однакожъ уже были зачаткомъ всего нашего современного строя. Это было въ самое тяжелое время Севастопольской осады; камнемъ лежало на сердцѣ у всѣхъ наскъ отчаянное положеніе Крыма, а недалеко, почти на взморьѣ, гдѣ стоитъ обитель,—сновали непріятельскіе пароходы. Но одно имя Филарета Никитича отозвалось утѣшеніемъ и надеждою для наскъ. То ли было съ Россіей? И Богъ помогъ, и бодро высвободилась она отъ чужаго населенія и отъ родной измѣны! Я спрѣвилась потомъ, и мнѣ сказали: въ послѣднюю Субботу каждого мѣсяца поминаются всѣ усопшіе дома Романовыхъ. Не помню, поминается ли Софья Алексѣвна. Елисавета Петровна также начала строить церковь Воскресенія Господня, нынѣ Соборъ учебныхъ заведеній, гдѣ Смольный домъ для воспитанія дѣвицъ; но здѣсь она хотѣла основать женскій монастырь, не успѣла докончить, а Екатерина, вмѣсто того, построила женское училище, которое потому и называется *Смольнымъ монастыремъ*, хотя монахини тамъ нѣтъ. Когда Елисавету уговаривали дозволить Жидамъ селиться въ Русскихъ городахъ, и говорили ей о выгодахъ такого населенія, она отвѣчала: «отъ враговъ Христова имени не желаю интересной прибыли». (Петръ на такое предложеніе отвѣчалъ отказомъ, но иначе: На что мнѣ Жиды, сказалъ онъ; мои Русскіе не хуже умѣютъ плутовать). Хотя шла войною за Марію Терезію, Елисавета, однако, открывала широко поле Россіи православнымъ Славянамъ, уходящимъ отъ притѣсненія нашей церкви Австрійскимъ правительствомъ, и Сербы съ воеводства и приморія тысячами перешли на нашъ Югъ подъ предводительствомъ Шевича, Депрерадовича, Хорвата и другихъ, населяя край вѣрнымъ и храбрымъ народомъ, совершивши обрусѣвшимъ уже во второмъ поколѣніи, но помнившимъ свое происхожденіе и всегда готовымъ протянуть руку своимъ землякамъ. Во время Семилѣтней войны солдаты, отправляясь въ походъ, говорили: Феодоръ Феодоровичъ (Фридрихъ II), значить, обижаетъ Марью Терентьевну, такъ государыня за нее заступается; бабье дѣло, нельзя не помочь! Но помогая Австрійскому правительству по своимъ политическимъ соображеніямъ, или по совѣту министровъ, она не считала нужнымъ принимать на себя никакой солидарности съ внутренними мѣрами этого правитель-

ства, и ея врожденное чувство Русское заставляло понимать и постоянно поддерживать общность интересовъ нашихъ съ интересами единовѣрцевъ и единоплеменниковъ нашихъ всюду, не взирая на преходящія обстоятельства, которыхъ насъ сближали съ тѣмъ или съ другимъ правительствомъ. Значеніе единой церкви понималось ею инстинктивно, какъ оно понималось сознательно ея геніальнымъ отцемъ; однакоже нельзя Петра Великаго прозвать *Славянофиломъ* или *ханжей*.

Мнѣ кажется, дѣло въ томъ, что вождь и царь тогдашней молодой *Rossii* былъ все-таки Русскій характеромъ, обычаями и сердцемъ, между тѣмъ какъ нынѣшняя молодая Россія разныхъ отѣнковъ (я не говорю о совершенно обезумѣвшей эмиграціи нашей) уже потеряла всякое сознаніе своего происхожденія, своего народа, своего края, и точно также, какъ некоторые изъ нашихъ блистательнѣйшихъ дѣльцевъ, видѣть въ себѣ и въ насъ всѣхъ Англичанъ, Нѣмцевъ, Французовъ, даже Итальянцевъ (въ отношеніи къ отжившимъ уже свой вѣкъ въ Италии бандитамъ, брави и карбонари). Это впрочемъ, со всѣми своими неудобствами спасительная черта нашихъ людей *процесса* (какъ ненавижу я это слово, и какъ смыслъ его не похожъ на Русское слово *успѣхъ* или *преуспѣяніе!*) Эта черта спасительна, потому что она лишаетъ ихъ всѣхъ возможности дѣлать серьезный вредъ Россіи, хотя, конечно, ихъ недоразумѣніе и высокомѣрное презрѣніе къ вѣрованіямъ и чувствамъ своего народа много тормозятъ преуспѣяніе нашей страны.

Ацеліо (котораго патріотизмъ былъ во всякомъ случаѣ *удачнѣе* Герценова), въ своихъ письмахъ 40-хъ годовъ, не разъ возстаетъ противъ сумасбродовъ, которые хотятъ непремѣнно *передвигать пальцемъ стрѣлку часовъ, чтобы пробилъ желанный часъ*, — думая ускорить ходъ времени, которое не допускаетъ неправильности въ числахъ, такъ же неуклонно, какъ ариѳметика. Петръ оттого только и могъ исполнить задачу, завѣщанную первымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, Годуновымъ и Алексѣемъ Михайловичемъ, что стрѣлка уже стояла на предназначенномъ часу: онъ ея не передвигалъ, хоть и кажется для поверхностнаго наблюдателя, что все было дѣло насилия и произвола. Истинные реформаторы суть всегда олицетвореніе цѣлой эпохи, и они всегда глубоко, сознательно и твердо проникнуты мыслью о необходимости предпріятія; они проникнуты (иногда даже безсознательно) однимъ общимъ чувствомъ, однимъ общимъ стремленіемъ съ массою, на которую дѣйствуютъ. А выскочки-благодѣтели человѣчества только губятъ въ потокахъ черниль, если не крови, многія благія намѣренія и относительно пра-

вильные мысли, которые безъ ихъ неловкаго посредничества могли бы созрѣть и принести свою долю пользы.

Отецъ мой былъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ такого воззрѣнія, которое часто и часто высказывалъ, и которое такъ величественно и благополучно оправдалось на нашихъ глазахъ въ царственномъ реформаторѣ 1861 года. Я помню, что въ 30-хъ годахъ, въ то время, когда много было совѣщаній, предположеній и мѣропріятій въ отношеніи къ лучшему средству дойти безбѣдно до освобожденія крестьянъ, батюшка былъ очень занятъ этою мыслью. Онъ жилъ на Аптекарскомъ острову, а мы къ нему пріѣзжали въ гости на вѣсколько часовъ, потому что домикъ былъ слишкомъ малъ для помѣщенія нашего семейства¹). Однажды какъ-то его любимая большая собака, поплававши по Невѣ и порывшись около берега, вытащила что-то такое, что принесла къ батюшкѣ, и съ торжествомъ, сквала зубы, отряхиваясь и поднимая глаза на хозяина, положила къ его ногамъ, по собачьему обычаяу, при мнѣ. Это не былъ камушекъ, однако что-то твердое. Когда счистили песокъ и тину и вымыли хорошенько, оказалось, что это костяная крышка, оторванная отъ малой табакерки съ рѣзьбою и девизомъ: Корабль съ настянутыми парусами на волнистой вѣтви, и вырѣзано подъ нею стариными буквами: *Жду вѣтра силы и ожидаю времія*. Этотъ девизъ находится въ собраніи девизонъ временъ Петра Великаго, въ книжкѣ, затерянной мною теперь. Батюшка, вспомнивъ это, сказалъ, что можетъ быть эта крышка отбилась отъ табакерки какого-нибудь моряка Петровскаго, взялъ ее себѣ (она теперь у меня) и сталъ говорить намъ о Петре и о реформахъ или революціяхъ времени его и всякаго времени, въ такомъ смыслѣ, какъ я написала выше, прилагая свои мысли и къ тому, что обрабатывалось въ 30-хъ годахъ. Онъ очень любилъ Петра и говоривалъ, что все въ немъ, и добро и зло, всѣ его блестательныя качества и пороки были колоссальны, и что среди всѣхъ, даже худшихъ дѣйствій его жизни, какъ напримѣръ смерть царевича Алексія²), любовь къ

¹) Этотъ домикъ съ тѣхъ поръ перестроенъ и теперь очень помѣстителенъ. Въ то время отецъ мой былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

²) Отецъ мой былъ убѣжденъ, что Петръ принялъ ужасное рѣшеніе противъ сына не по ненависти къ нему, и не по любви къ меньшому сыну, не вслѣдствіе интригъ Екатерины, а единственно изъ опасенія, что если самъ Алексѣй Петровичъ не захочетъ царствовать, то партія его непремѣнно возведетъ его на престолъ и непремѣнно погубить Россію возвращенiemъ къ оставленнымъ порядкамъ, къ расшатавшемуся строю, при которомъ она не въ силахъ будетъ дать отпоръ врагамъ. Онъ думалъ сперва, заклеймивъ его судебнѣмъ приговоромъ, сдѣлать его воцареніе невозможнымъ; но въ теченіи суда Петръ увидѣлъ, какъ много царевичъ имѣлъ приверженцевъ (въ томъ

России, къ славѣ и могуществу ея, стояли выше всякаго личнаго чувства, и что это все-таки имѣло отголосокъ въ народѣ, не смотря на противодѣйствіе, на неудовольствія, на бунты. Это свидѣтельствуютъ многія пѣсни, сложившіяся въ народѣ о немъ, и многія преданія, еще жившія въ памяти простолюдиновъ, приближенныхъ къ моему дѣду и бабушкѣ. Уже въ тогдашнее время, Петръ являлся въ колосальномъ, легендарномъ образѣ, въ рассказахъ его современниковъ. Между прочимъ было повѣріе, что Петръ *пропадалъ* и находился въ какомъ-то невѣдомомъ, заколдованнымъ краѣ, откуда вынесъ несокрушимую силу и волшебныя знанія, и потому всегда побѣждалъ враговъ и успѣвалъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Одна старушка даже считала время отъ этой эпохи: я вышла замужъ или такой-то родился или умеръ передъ тѣмъ или послѣ того, какъ царь пропадалъ. Такъ глубоко подѣйствовали на воображеніе народное путешествія Петра и всѣ перемѣны, которыя онъ сталъ вводить по своемъ возвращеніи. Надобно вспомнить тоже, что, какъ ни былъ онъ крутъ, а часто и жестокъ, однакожъ въ немъ жестокость не была кровожадностію, не была безумной прихотью; да сверхъ того, правленіе Меншикова и Бирона до того превзошли все, что было даже дурного при Петрѣ, что его образъ долженъ быть выступить передъ народомъ во всемъ блескѣ золотаго вѣка. Вступленіе на престолъ дочери его было общей радостью для Россіи, по разсказамъ всѣхъ современниковъ. Воинская слава, Русскіе дѣятели, процвѣтаніе торговли, возвращеніе достоинства православной церкви, всего этого ожидали отъ Елизаветы Петровны и не обманулись. Батюшка, который всегда стоялъ за свободу торговли, говоривъ сколько добра уже сдѣлала одна мѣра уничтоженія внутреннихъ таможень, и особенно обращалъ вниманіе на то, что, не смотря на Семилѣтнюю войну, на роскошь двора, на всѣ великолѣпныя постройки ея царствованія, на огромные, но разумные расходы, она умирая оставила Россію въ цвѣтущемъ положеніи, безъ долговъ и съ громадою золотой монеты въ казнѣ. Ея православіе было искренно, и наружныя проявленія ея вѣрованій были по обычаю и по сердцу

числь былъ даже князь Яковъ Долгоруковъ), и мало по малу зараждалась мысль о необходимости его *стереть* для огражденія государственного зданія, воздвигнутаго съ такимъ усилемъ и любовию. Батюшка находилъ, что записки Гордона не должно бы отвергать такъ рѣшительно, и что Петръ дѣйствовалъ по суровому чувству долга, съ какимъ Брутъ, въ древнемъ Римѣ, приговорилъ къ смерти своихъ сыновей; что же касается до пытки, то въ прежнія времена не понимали *dопроса* иначе, какъ *посредствомъ* пытки. По-французски даже и выражались: „la question“. Такъ смотрѣлъ на это дѣло отецъ мой.

ея подданныхъ. Увѣряли, что, рѣшившись на переворотъ противъ Анны Леопольдовны, она дала обѣщаніе не казнить смертною казнью никого изъ своихъ противниковъ. Это преданіе подтверждается закономъ, уничтожающимъ смертную казнь вообще. Можно возразить, конечно, что казни ужасные совершились при ней изъ за-пустаковъ, что, напримѣръ, Лопухиной былъ вырванъ языкъ палачемъ за то особенно, что она говорила непочтительно объ Елизаветѣ, хвастаясь, что она сама красивѣе императрицы. Съ другой стороны, развратъ ея превосходилъ всякое воображеніе. Съ искренней вѣрою, какъ могли соединяться такія дѣла и такіе нравы?

Вообще, судя о прошлыхъ временахъ и поколѣніяхъ, мы слишкомъ привыкли судить по современному не имъ, а *намъ*, нынѣшнему направленію ума, по современнымъ намъ нравамъ, забывая, какъ неизмѣримо много значитъ среда, въ которой вращается человѣкъ, какъ онъ зависитъ отъ современныхъ *ему* воззрѣній. Конечно, еслибы наша вѣра была чиста и крѣпка, какъ вѣра первыхъ христіанъ, и мы бы словомъ и дѣломъ были истинные послѣдователи Христа, мы могли бы находить такія противорѣчія непостижимыми и не довѣрять тѣмъ историческимъ лицамъ, которыхъ вѣрованія не выказывались во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Но вспомнимъ, что Елизавета Петровна родилась и жила среди двора и семьи Петра и Екатерины I-й, жила во времена Регента Орлеана и Людовика XV; вспомнимъ, какие были нравы при всѣхъ дворахъ Европы, съ которой мы брали примѣръ; вспомнимъ неминуемый законъ реакціи, который лежитъ въ основаніи человѣческой природы, и вспомнимъ, изъ какой рабской неволи и притупляющей монотонности жизни только что высвободились женщины знатныхъ и царскихъ семействъ у насъ. Вспомнимъ все это, и мы поймемъ, что на Елизавету Петровну могли смотрѣть иначе, нежели мы на нее смотрѣли бы теперь, какъ на чудовищное явленіе порока, а часто и жестокости. Мы поймемъ, что, напротивъ, ее цѣнили wysoko; мы поймемъ, что она искренно вѣровала, искренно каялась и тотчасъ же начинала опять грѣшить. Да не то ли самое повторяется ежедневно, ежеминутно съ большинствомъ самыхъ искреннихъ христіанъ? Въ другомъ видѣ, съ другимъ, добродорядочнымъ образомъ жизни, со строгостью нравовъ и утонченной филантропіей нашихъ дней, неужели мы не лжемъ самимъ себѣ и Богу, когда мы такъ хлопотливо холодны въ нашихъ благотвореніяхъ, такъ жестки въ нашихъ сужденіяхъ, такъ горды своимъ просвѣщеніемъ, такъ своеевольны въ своихъ мнѣніяхъ и мѣримъ такою разною мѣрою въ отношеніи къ нашимъ друзьямъ или противникамъ? Развѣ все это христіанскоѣ дѣло? А все-

таки и мы, дѣлающіе эти *приличныя* беззаконія, вѣруемъ искренно, каемся и опять впадаемъ въ тѣ же грѣхи!

И такъ ее точно любили, и любили за ея *православіе*, за ея *милосердіе*, за *сравнительную* мягкость, за *сравнительную* свободу дѣйствій, которую получили при ней; и все-таки она первая во всемъ христіанскомъ мірѣ, со временемъ Владимира, *отмѣнила смертную казнь*. Какъ ни ужасны были наказанія при ней и послѣ нея, и хотя въ исключительныхъ случаяхъ, въ видѣ изъятія, и смертная казнь бываетъ у насъ: все-таки самое *начало* безкровнаго суда говорило сердцу и воображенію и, въ самомъ дѣлѣ, было великое основаніе для закона новаго, до котораго только въ наши дни додумались Европейскіе филантропы-юристы, да и то не все.

Отецъ мой вообще былъ такого мягкаго и человѣколюбиваго нрава, что съ трудомъ могъ рѣшиться смѣнить пьянаго лакея; однако онъ думалъ, что смертная казнь, сама по себѣ, можетъ находить мѣсто въ законодательствѣ. Онъ полагалъ, что она менѣе ужасна, чѣмъ иные наказанія, какъ наприм. *одиночное заключеніе*, или тѣлесныя наказанія, какъ кнутъ, который тѣмъ былъ особенно жестокъ, что зависѣлъ совершенно отъ произвола: могъ убить человѣка, или могъ не причинить ему даже боли. Достовѣрно, что одинъ любознательный иностранецъ однажды заплатилъ большую сумму палачу, чтобы тотъ ему доказать на дѣлѣ, что можетъ разорвать рубашку на спинѣ человѣка и не коснуться его кожи. Увѣряютъ, что палачъ исполнилъ этотъ фокусъ на спинѣ самого иностранца. Объ этихъ отвратительныхъ вещахъ теперь, слава Богу, можно вспоминать хотя съ содроганіемъ, но безъ той глубокой тоски, которая брала меня въ то время, когда еще не была отмѣнена торговая казнь. Отецъ мой всегда съ омерзѣніемъ и негодованіемъ говорилъ обѣ этой казни и постоянно старался обѣ отмѣненіи ея. Смертная казнь, по его мнѣнію, менѣе жестока для самаго преступника, и вмѣстѣ несомнѣнно и вѣрно защищаетъ честныхъ людей (большинство общества) отъ новыхъ покушеній преступниковъ, повторяющихся периодически у насъ побѣгами ссыльныхъ и каторжниковъ. Но онъ говорилъ, что *однако* онъ всегда будетъ противъ возстановленія смертной казни *въ Россіи*, потому что отмѣна ея была изъ числа тѣхъ мѣръ, которыхъ можно не принимать, но разъ *принявши* нельзя снова отмѣнить безъ потрясенія общаго довѣрія, а безъ довѣрія самая основы государства колеблятся. Такой *даръ*, какъ судъ безъ смертнаго приговора, разъ полученный народомъ отъ одного изъ государей, долженъ всегда сохраняться *въ основаніи* законодательства, хотя военный судъ и временные исключенія бываютъ необходимы въ данныхъ об-

стоятельствахъ. Потому онъ настаивалъ, чтобы военное положеніе было сперва объявлено всякой разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ признается скорбная необходимость временнаго примѣненія смертной казни къ особенно опаснымъ преступленіямъ. Не мое дѣло судить о такихъ вѣщахъ; но мнѣ кажется, что когда-нибудь придетъ время, когда смертная казнь исчезнетъ всюду изъ христіанскаго общества *въ нормальномъ состояніи* края, коль скоро есть время на хладнокровное размышленіе. Разумѣется, въ болѣзnenномъ состояніи общества, когда свирѣпствуютъ война и междоусобія, поневолѣ приходится силою противуствовать силѣ и защищаться чѣмъ попало. Это женское воззрѣніе, конечно, не имѣть вѣсу; но Елизавета Петровна по женскому смотрѣла на этотъ вопросъ, и ей были благодарны.

Послѣ 16 лѣтъ придворныхъ переворотовъ и безжалостнаго деспотизма временщиковъ, вся Россія вздохнула и просіяла. Дѣдъ мой съ восхищеніемъ наслаждался спокойствіемъ и внутреннимъ миromъ этого времени, и все это *развлеченіе*, эти начатки художествъ и наукъ, эти лекціи, эти театры, эти картины великихъ мастеровъ, которые начинали привозить изъ-за границы, эти живые образцы утонченности свѣтской, которые являлись изъ Парижа, эти архитекторы, живописцы, пѣвцы, актеры, которые вносили съ собою, если не всегда чистый, то все-таки художественный элементъ въ нашу общественную жизнь (между тѣмъ, какъ блестательныя побѣды нашихъ войскъ надъ первымъ полководцемъ того времени Фридрихомъ Великимъ, взятие Кенигсберга и Берлина, покрывали громкой славой имя Русское): все это 16-лѣтнему юношѣ открывало цѣлый міръ прекрасныхъ ощущеній, и на портретѣ его, писанномъ не много лѣтъ позднѣе, видятся спокойствіе и мирное счастье. Онъ прїѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1742 года, какъ я уже говорила, когда еще свѣжая была память объ ужасахъ и темномъ, тяжеломъ давлѣніи въ моральномъ воздухѣ передъ тѣмъ.

Одинъ изъ родственниковъ его (никакъ не могу вспомнить его имени) рассказывалъ, какъ очевидецъ, объ извѣстномъ, неразгаданномъ явленіи передъ смертію Анны Іоанновны. Этотъ разсказъ, часто повторяемый, однакожъ долженъ найти мѣсто въ моей коллекціи чудесныхъ случаевъ и привидѣній. Вотъ какъ рассказывалъ мой дѣдъ. Его товарищъ былъ дежурный со взводомъ солдатъ въ караулѣ, вечеромъ, за нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны. Это было во дворцѣ на Фонтанкѣ, у Аничкина моста, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ теперь Троицкое подворье, въ покояхъ митрополита Московскаго. Караваль стоялъ въ комнатѣ подлѣ тронной залы; часовой былъ у открытыхъ дверей. Императрица уже удалилась *во внутренніе покои*, говоря сло-

вами гофф-Фурьеерскихъ записокъ. Все стихло. Было уже за полночь, и офицеръ усълся, чтобы вздренуть. Вдругъ часовой зоветъ на караулъ, солдаты вскочили на ноги, офицеръ вынуль шпагу, чтобы отдать честь. Онъ видитъ, что императрица Анна Иоанновна ходить по тронной залѣ взадъ и впередъ, склоня задумчиво голову, закинувъ назадъ руки, не обращая вниманія ни на кого. Часовой стоитъ, какъ вкопанный, рука на прикладѣ, весь заводъ стоитъ въ ожиданіи; но что-то необычайное въ лицѣ Императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной залѣ начинаетъ ихъ всѣхъ смущать. Офицеръ, видя, что она рѣшительно не собирается пдти дальше залы и не смыя слишкомъ приблизиться къ дверямъ, дерзаетъ наконецъ пройти другимъ ходомъ въ дежурную женскую и спросить, не знаютъ ли намѣренія Императрицы. Тутъ онъ встрѣчаетъ Бирона и рапортуетъ ему, что случилось. Не можетъ быть, говорить герцогъ: я сейчасъ отъ Императрицы, она ушла въ спальню ложиться.

— Вагляните сами: она въ тронной залѣ.

Биронъ идетъ и тоже видитъ ее.—Эго какая-нибудь интрига, обманъ, какой-нибудь заговоръ, чтобы подействовать на солдатъ! вскричалъ онъ, кинулся къ Императрицѣ и уговорилъ ее выйти, чтобы въ глазахъ караула изобличить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся некоторымъ сходствомъ съ ней, чтобы морочить людей, вѣроятно съ дурнымъ намѣреніемъ. Императрица рѣшилась выйти, какъ была, въ пудермантѣ. Биронъ пошелъ съ нею. Они увидѣли женщину, поразительно похожую на нее, которая нимало не смущилась. Дерзкая! вскричалъ Биронъ, и вызвалъ весь караулъ. Молодой офицеръ, товарищъ моего дѣда, своими глазами увидѣлъ *деву Анну Иоанновну*, изъ которыхъ настоящую, живую, можно было отличить отъ другой только по наряду и потому, что она взошла съ Бирономъ изъ другой двери. Императрица, постоявъ минуту въ удивленіи, выступила впередъ, попла къ этой женщинѣ и спросила: Кто ты? Зачѣмъ ты пришла? Не отвѣчая ни слова, та стала пятиться, не сводя глазъ съ Императрицы, отступая въ направлениіи къ трону и, наконецъ, все-таки лицомъ къ Императрицѣ, стала подниматься, пятившись, на ступеньки подъ балдахинъ. Это дерзкая обманщица! Вотъ Императрица! Она приказываетъ вамъ, стрѣляйте въ эту женщину, сказалъ Биронъ взводу. Изумленный, растерявшийся офицеръ скомандовалъ, солдаты прицѣлились. Женщина, стоявшая на ступеняхъ у самаго трона, обратила глаза еще разъ на Императрицу и исчезла. Анна Иоанновна повернулась къ Бирону, сказала:—Это моя смерть! поклонилась остолбенѣвшимъ солдатамъ и ушла къ себѣ.

Это один из самых достоверныхъ рассказовъ о привидѣніяхъ. Очень мнѣ досадно, что я забыла имя офицера, который былъ очень близокъ къ дѣду и самъ передавалъ ему всѣ подробности не долго послѣ этого непримѣтного случая. Черезъ нѣсколько дней или часовъ Анна Иоанновна скончалась, я тоже не запомниу срока (для меня, вообще числа и собственные имена всегда было трудно запомнить, между тѣмъ какъ обстоятельства, слова и мысли остаются живо и крѣпко въ памяти до сихъ поръ). Много слышали отецъ мой и мать про царствованіе Елисаветы, про образъ тогдашней жизни, и батюшка говориваль, бывало, что не удивишься легкости нравовъ Екатерины II, когда подумаешь, въ какой моральный омутъ привезли 14-ти лѣтнюю красавицу-принцессу, и выдали ее за человѣка, еле вышедшаго изъ отрочества, не способнаго цѣнить ея умъ и блестательныя качества, и уже испорченаго той придворной средой, въ которой онъ жилъ.

Сама Елисавета была замужемъ за Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ; это достовѣрно, и батюшка слышалъ отъ близкихъ Разумовскому людей, что, когда Орловъ прѣѣхалъ къ нему послѣ смерти Елисаветы Петровны и, съ задней мыслю воспользоваться примѣромъ, спросилъ, есть ли у него документъ о совершенніи брака, то онъ досталъ свидѣтельство и при Орловѣ сжегъ его въ каминѣ. Всѣ друзья и родственники Разумовскаго были совершенно увѣрены въ истинѣ этого благороднаго порыва, а преданіе гласитъ, будто въ память своего бракосочетанія Императрица украсила вызолоченнымъ вѣнцомъ (короною) церковь, въ которой вѣнчалась съ нимъ въ Москвѣ. Разумовскій, какъ известно, былъ простой казакъ Малороссійскій и придворный пѣвчій. Онъ пѣнілъ своимъ голосомъ Елисавету, а сдѣлавшись ея мужемъ, онъ за собою привлекъ ко двору и семью, и родство, и другихъ Малороссіянъ, которые сдѣлали менѣе блестательную карьеру, но все же пошли въ чины. Одинъ изъ такихъ, бывшій пѣвчій съ глубокимъ басовымъ голосомъ, дослужился до д. ст. сопѣтника, не отличившись ничѣмъ, и разъ, споря съ однимъ неважнымъ по своему положенію дворяниномъ, сказалъ:—Вѣдь я генераль.— Какой ты генераль, отвѣталъ тотъ: ты развѣ генераль-басъ.

Эти легкія карьеры, сдѣланыя безъ заслугъ, по одной протекціи фаворита, произвели дурное впечатлѣніе на столбовое дворянство, Петербургское и Московское, и дали поводъ многимъ думать, что въ Малороссіи нѣть древняго дворянства, тогда какъ, напротивъ, изъ этой колыбели Руси происходятъ самые древніе роды наши. Но, въ моемъ дѣствѣ, многіе при мнѣ говорили не разъ, чуть ли не съ такимъ сомнѣніемъ, о дворянскомъ происхожденіи Малороссійскихъ фамилій, какъ о графскомъ титулѣ Поляковъ. Признавали однако до-

стоинство генеалогіи нѣкоторыхъ знатныхъ и высокозаслуженныхъ вельможъ, какъ напр. Безбородки, Кочубея, но на остальныхъ смотрѣли, какъ на что-то въ родѣ ихъ клиентовъ (въ Римскомъ смыслѣ слова), и я запомнила еще съ тѣхъ поръ риѳмованную будто бы родословную выходцевъ изъ южнаго края:

Безбородко роди Кочубея,
Кочубей роди Комбурлея,
Комбурлей роди Гамалея,
Гамалей роди Кравченко,
Кравченко роди Марченко,
Марченко роди пана Толдча и пр.

Впрочемъ, Петербургское высшее общество, какъ видно, смотрѣло на свой кружокъ, какъ на единственно аристократической, и даже какъ на единственно порядочный. Помню, не одинъ разъ слышала я такія рѣчи: Манеры и тонъ общества совсѣмъ испортились съ тѣхъ поръ, какъ вся Москва перѣѣхала сюда послѣ пожара. Вообще, странная у насъ воззрѣнія на этотъ счетъ. Батюшка, бывало, говоривалъ, что мы имѣемъ дворянство *историческое* изъ самыхъ древнихъ родовъ Европы (съ 862 года), а у насъ однако образовалась аристократія *самозванная*, преоригинальная. Вы находите или *находили* во всѣхъ земляхъ аристократію политическую, привилегированную, или аристократію таланта и образованія; но у насъ не признается ни одна изъ нихъ, а есть аристократія чисто-салонная, *une aristocratie de coterie*. Разумѣется, мнѣнія на этотъ счетъ рознятся; но по мнѣ, это не дурно, хотя иногда смѣшно. Не дурно, что у насъ двери настежь въ эту безвредную, самообольщающуюся салонную среду, между тѣмъ какъ каждый, даже изъ знаменитѣйшихъ родовъ нашей исторіи, долженъ самъ завоевывать политическое положеніе своею службою. И все-таки *въ основаніи* лежитъ драгоценное начало, даже если оно часто становится только юридической фикціею: это правило, что образованіемъ (экзаменомъ) и трудомъ (службою) всякий можетъ дойти до высшей степени политической дѣятельности и вліянія, и что нѣтъ замкнутаго сословія у насъ. Гдѣ нѣтъ замкнутости, тамъ нѣтъ и ненависти между сословіями, хотя, конечно, ничто не исключаетъ и не искореняетъ мелкихъ страсти человѣческаго общества, и хотя у насъ, какъ вездѣ, завидуютъ и ревнуютъ къ салоннымъ и придворнымъ успѣхамъ, и бранятъ людей высокопоставленныхъ на службѣ, и завидуютъ имъ; но все же каждый порядочный человѣкъ знаетъ, что нѣтъ серьезнаго, неодолимаго препятствія, которое бы мѣшало ему пробивать себѣ дорогу вверхъ. Это меня много утѣшаетъ, когда ви-

жу смѣшную сторону вѣкоторыхъ нашихъ аристократовъ. Истинно же радуетъ меня всякий примѣръ твердой, терпѣливої и бодрой жизненной борьбы съ невыгодной обстановкой въ молодости человѣка, дошедшаго до высокаго политического положенія, будь этотъ человѣкъ столбовой дворянинъ, или простолюдинъ вчерашній. Замѣчательно, какъ много изъ самыхъ даровитыхъ и вліятельныхъ людей, моего знакомства, въ молодости перебивались съ трудомъ для достиженія даже наимужнѣйшихъ средствъ къ жизни, и какъ много эта нужда, эти лишенія въ молодости способствовали къ закалу ихъ души, ихъ способностей и характера. Бѣдность, даже мимоходная, которая заставляетъ работать, если она честно и бодро выдержанна, возвышаетъ человѣка на столько же, на сколько совершиенная нищета и беспорядокъ, который въ ней гнѣздится, растѣваютъ самыя лучшія натуры. Впрочемъ, всякая крайность разрушаетъ гармонію естественныхъ законовъ міrozданія; и какъ крайность нищеты, такъ и крайность богатства, материальнаго преизбытка, развращаетъ человѣка. Есть безстыдство богача, точно также какъ безстыдство нищаго. Одинъ думаетъ, что онъ въ правѣ *все купить*, другой, что въ правѣ *всего просить*; высокомѣріе одного и наглость другаго равно унизительны для человѣческаго достоинства и, въ сущности, тотъ и другой-жалкія творенія. Мальчикъ оборванный, таскающійся по грязи и протягивающій руку съ плаксивою просьбою о копѣйкѣ въ компаніи съ пьяными бабами и притворными калеками, можетъ быть не въ болѣшей степени развратится, нежели въ *своемъ родѣ* развратится малолѣтній миллионеръ, окруженный со дня рожденія льстцами и угодниками всякаго возраста и пола, утопающій въ пѣнѣ и своею силой съ самой колыбели, незнающій противорѣчія, ни препятствія въ исполненіи своихъ прихотей. Видала я съ болью сердечной, какъ грязли и заглушались лучшіе порывы гордыхъ и чистыхъ натуръ подъ невыносимымъ гнетомъ нищеты; такъ точно, какъ знала я жалкихъ богачей, у которыхъ заглохли всѣ лучшія стремленія души отъ поклоненія собственному могуществу, чисто-материальному могуществу золота, и отъ подобострастія личныхъ эксплуататоровъ. Такъ было во всѣ періоды исторіи человѣчества, такъ есть и теперь, такъ было и во время Елизаветы. Это могущество богатства, соединенное со всемогуществомъ власти, не могло не вскружить головы тогдашнимъ временщикамъ.

Вся же масса дворянства, составляющая огромное большинство землевладѣльцевъ (монастыри и церкви владѣли, кажется, около десятой части населенныхъ имѣній), масса дворянства была решительно и долгое время представительницей умственного движе-

нія въ Россіи. Въ теченіе столѣтія и больше, можно по истинѣ называть дворянство *передовымъ сословіемъ*. Это сословіе однако въ массѣ своей не отрывалось совершенно отъ народа по своимъ вѣрованіямъ и религіознымъ обычаямъ, и одинъ иностранецъ, побывавши во внутреннихъ губерніяхъ лѣтъ двадцать назадъ, былъ пораженъ тѣмъ, что наше дворянское сословіе, разнѣающееся отъ народа во всѣхъ наружныхъ пріемахъ жизни, отъ платья и причесокъ до языка, вдругъ, въ церкви, является совершенно такимъ же, какъ самъ необтесанный мужикъ, и кладеть земные поклоны, прикладывается къ иконамъ или мощамъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ лица, оставившимъ иностранцу впечатлѣніе полной искренности. Еслибы онъ заглянулъ поближе въ ихъ домашнюю жизнь, то увидѣлъ бы и тутъ больше сходства съ народомъ, нежели бы онъ могъ понять. Въ этой массѣ старого (однако *непридворного*) дворянства, служившаго непремѣнно въ военной службѣ, не могло быть страшнаго своеволія богатыхъ сосѣдей его. Походы же въ Пруссію и Швецію пріучили къ дисциплинѣ, къ нѣкоторой выдержкѣ, и расширили умственный горизонтъ. Хорошія натуры облагораживались, а, возвращаясь еще молодыми въ свои помѣстья, не успѣвали совершенно переродиться въ иностранцевъ. Сохранялась, это правда, нѣкоторая сословная гордость; но она никакъ не мѣшала чистосердечно смотрѣть на прислугу, напримѣръ, на *домочадцевъ*, какъ на что-то въ родѣ бѣдныхъ родственниковъ; давая слугѣ потасовки собственноручно, все-таки баринъ не требовалъ отъ него службы *автомата*, не считалъ, что, платя ему жалованье и кормя его по положенію контракта, можетъ смотрѣть на него, какъ на вещь, на машину, и не справляясь никогда о человѣческой сторонѣ этой машины, о его чувствахъ, горестяхъ и радостяхъ душевныхъ, о его отношеніяхъ къ барину, какъ къ человѣку же, какъ это становится принято въ иныхъ домахъ хорошаго тона, или какъ прикидываются, что оно принято. Не думаю, чтобы мы въ сущности когда-либо дошли до этого верха безобразія.

Все вышесказанное далеко не ново; но я записываю, какъ живое преданіе, какъ образцы мыслей чувствъ и мнѣній, дошедшіе до родителей моихъ, непосредственно отъ современниковъ и дѣйствовавшихъ лицъ, а не какъ *возстановленіе заднимъ числомъ* духа эпохи по документамъ всякаго рода, даже по памфлетамъ и доносамъ, что слушается встрѣчать слишкомъ часто въ сочиненіяхъ, даже научныхъ. Карамзинъ говоривалъ отцу моему не разъ, какъ надо быть осторожнымъ въ оцѣнкѣ лицъ и событий прошлаго времени, остерегаться собственного увлеченія при изученіи современныхъ описаній и одностороннихъ разсказовъ, а надо принимать во вниманіе совокупность показа-

ий и глубоко укоренившійся общий взглядъ на лица и на событія, когда этотъ взглядъ *переходитъ въ сознаніе народное*. Карамзинъ говорилъ ему, напримѣръ, что хотя точныхъ доказательствъ нѣть противъ Бориса Годунова въ дѣлѣ убіенія царевича Димитрія, однако у него полное внутреннее убѣжденіе въ его со участіи, убѣжденіе, исходящее отъ того, что, изучая исторію вообще, онъ проникнулъ мыслью, что не можетъ оставаться осужденнымъ во мнѣніи своего народа, въ теченіе двухъ столѣтій, историческое лицо, оклеветанное *невинно*. Онъ полагалъ, что потомство есть своего рода кассационный судъ, который разбираетъ *инстинктивно* дѣла прошедшихъ временъ (своего народа, разумѣется) и что есть великая историческая правда, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, правда Божія, возстановляющая честь и невинность тѣхъ дѣятелей, которыхъ имена пострадали только отъ страстей и злобы, или отъ предразсудковъ современниковъ, и что, по словамъ Іоанна Миллера, *die Welt-Geschichte ist das Welt-Gericht* *).

Такъ точно и въ обратномъ отношеніи, Карамзинъ почиталъ чистыми и достойными тѣ лица, которыхъ, какъ Димитрій Донской, какъ Скопинъ Шуйскій, какъ Пожарскій, какъ Мининъ, оставили свѣтлую и святую память по себѣ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, не смотря на современные одиночные обвиненія, Карамзинъ (осуждать котораго теперь въ модѣ) понималъ всю увлекательность *исторической находки*, открытія нового документа; но онъ крайне осторожно обращался съ такими открытіями, тщательно сравнивая и критически разбирая каждое изъ нихъ; потому что на задачу историка онъ смотрѣлъ, какъ на великое, святое служеніе истинѣ и отечеству, требующее беспристрастія и обдуманности судьи, ставящаго окончательно на видъ всю совокупность показаній, уликъ и морального убѣжденія въ дѣлѣ, представляемомъ къ приговору этого великаго суда присяжныхъ—потомства: потомства, которое не должно подкупать, льстя его минутнымъ страстямъ, ни обольщать блескомъ и увлекательностью изложенія.

(1870).

(Съ дозволенія графини А. Д. Блудовой перепечатано вновь изъ журнала «Заря» 1871 и 1872 годовъ).

^{*}) Всемирная исторія есть всемирное судьбище.